

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 69 (776)

15 декабря 1938 г., четверг

Цена 30 коп.

Благородный труд

Наша страна построила в основном социалистическое общество. Осуществлены принципы социализма: «от каждого по способностям — каждому по труду».

Высоко ценит партия, вся наша родина благородный труд писателя. Хорошая книга становится другом миллионов людей. Весь советский народ по праву гордится своей самой идейной, самой передовой литературой в мире. Социалистический принцип труда создает особо благоприятные условия для развития природных способностей человека, для вдохновенного и героического творчества. Нет и не может быть объективных причин, которые мешали бы труду писателя. И, казалось бы, что ничто не может в нашей стране мешать созидательной работе. Однако нужно сказать прямо, что далеко еще не преодолено гололовство, бюрократически-чиновничье отношение людей, равнодушных к интересам государства, к судьбам искусства.

Еще не ликвидированы последние вредительские по отношению к литературе в целом и по отношению к отдельным литераторам. Долгие годы в литературных организациях господствовало пренебрежение к писательскому труду, неверие в творческие силы писателя. ЦК ВКП(б) квалифицировало «махаевское» отношение к советской интеллигенции как дикое, кулацкое и опасное для советского государства.

Наше государство направляет в интересах коммунистического общества все отрасли хозяйства и культуры. Государственное руководство, планирование в области культуры означают защиту интересов народа, защиту творческого труда. Но вспомним, что делалось в наших издательствах. Разве так зачастую не извращалась политика государства? Разве там не проводилась антигосударственная практика пренебрежительного, «махаевского» отношения к труду писателя, к его достоинству, к его многолетней работе?

Враги, прокрываясь в свое время по многим издательствам, не мало навредили делу литературы. Они насаждали унтерпринциповский стиль в работе издательства. Они создавали вреднейшую легенду о писателе как лодыре и бездельнике. Издательства заполнялись людьми тупыми, невежественными, людьми, равнодушными к искусству. И эти люди при поддержке врагов приобретали власть над самыми драгоценными для писателя — над его рукописью. Нам скажут: враги уже разоблачены. Вряд ли все здесь было бы самоупокоением. Совсем недавно вскрылось вредительство в издательстве «Молодая гвардия» и Детиздате ЦК ВКП(б). Почему же после уроков процесса там могли орудовать враги? Очевидно, только потому, что еще в ряде издательств не изменена насажденная врагами гнилая система работы, не ликвидирована антибюрократическая обстановка.

Враги в своих подлых целях пытались запретить все творчески-оригинальное, все драгоценное в искусстве. Это они запрещали «Одиночество» Вирта, это они не пропускали в печать «Страну Муравьино» Твардовского. Год лежала рукопись замечательного романа Первенцева «Ючубей». Очень много пережил Ю. Крымов, пока была напечатана повесть «Танкер Дербент». Многие казались, что здесь только перестраховка. Нет, это была вредительская работа, направленная к тому, чтобы отпугнуть писателя от важнейших, от острых тем современности.

Надо научиться по-большевистски относиться к труду писателя. Однако нередки примеры неправомерного, пренебрежительного подхода к творческой работе со стороны некоторых товарищей, работающих в области искусства.

В. Белаяев на материале своей хорошей повести «Старая крепость» написал сценарий под тем же названием. Были произведены съемки и сделана картина. Однако по неизвестным причинам Комитет по делам кинематографии задерживает выпуск на экран картины «Старая крепость». По решению правления Ленинградского союза писателей еще 22 августа было послано письмо председателю Комитета по делам кинематографии т. Дукельскому с просьбой объяснить, почему Комитет задерживает картину «Старая крепость». Тов. Дукельский на это письмо не ответил. Тогда за подписями Николая Таховова, М. Зощенко, М. Слонимского, В. Каверина, Б. Лавренева, Ю. Германа и ряда других крупных ленинградских писателей было напечатано письмо в редакцию «Литературной газеты», в котором писатели вторично обращались в Комитет по делам кинематографии. Но т. Дукельский даже не удостоился объяснить причины задержки! ничем политически не опроверженной картины. Разве это не пример неправомерного отношения к работе писателя?

Требовать от каждого писателя по его

способностям — это значит уметь развивать индивидуальное его дарование в интересах социализма, значит уметь любовно растить талантливую личность. Каждому — по труду — это значит давать объективную, соответствующую интересам народа, оценку работы писателя.

Надо уметь отличать серую литературу от неудач талантливого человека. Не видеть различия между неудачей талантливого мастера и серой, неглубокой, «иллюстративной» литературой — значит терять общую литературную перспективу, терять возможность конкретной, производственной постановки литературных вопросов.

Отношению к советской литературе следует учиться у партии, у ее Центрального Комитета и у воспитанного большевистской партией великого Горького. Бесспорно было недостатком советской литературы, Горький вместе с тем подчеркивал ее ценность, уметь находить важное и новое в произведениях советских писателей. В 1930 г. Горький писал о литературном десятилетии 1920—1930 гг.: «Я не знаю в прошлом десятилетия, которое вызвало бы в жизни столько ценных книг».

Указывая на неудачи больших мастеров нашей литературы, не делая при этом никаких резервов, мы должны вместе с тем учитывать все творчество того или иного писателя в целом.

Разве мало у нас писателей, талантливых на всю жизнь и — для больших дел (как писал Горький о Л. Леонове)? Среди них есть люди, сыгравшие роль основоположников советской литературы.

И всех этих трудолюбивых, талантливых людей прошлое обанкротившееся «руководство» союза писателей третировало, как гимназистов приговорительного класса! В этом сказывалось дикое, «махаевское» отношение к литераторам.

Поворот к творчеству, к производственной работе писателя, который осуществляет сейчас союз писателей, реально ставя в центр внимания рукописи и писателя, восстанавливая незаслуженно «сунтоженые» репутации, должен быть расширен и углублен. Необходимо перестроить в соответствии с этим поворотом работу республиканских и всех местных писательских организаций, всей литературно-художественной периодической печати.

Прошлое руководство союза писателей третировало и литераторов-художников, и литераторов-критиков. Оно вообще «не жаловало» советскую интеллигенцию! У нас есть талантливые критики, по отношению к которым тоже существует иерархия третирования их работы.

Труд литератора — благородный труд. Великий художник и революционер-демократ Салтыков-Щедрин, умирая, рыну своему завещал «наче всего» любить родную литературу.

Можем ли мы не любить литературу страны социализма? Мы любим нашу прекрасную жизнь, ее творческую радость, ее героизм и ее труд, — и мы любим нашу литературу, согретую дыханием этой жизни. Труд того литератора, который стремится к глубокому и правдивому отражению нашей жизни в своем произведении, есть благороднейший труд. Ненавидя все то, что мешает росту нашей литературы, правдиво и мужественно указывая любому писателю, «невзирая на лица», на все его слабости и недостатки, мы должны делать это так, чтобы наша ненависть, как всегда и во всем, была выражением нашей любви к тому трудовому человеку, строителю социализма, для которого работают и наша литература и наша критика. Критика должна гораздо больше, глубже, ярче осуществлять свою роль пропагандиста советской литературы, всего того ценного, что есть в произведениях советских писателей, должна способствовать подъему идейной, творческой вооруженности художника.

Величайшей заботой о советской интеллигенции пропущено постановление Центрального Комитета партии большевиков о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском Краткого курса истории ВКП(б). Нам предстоит и увлекательная работа по полнотой теоретической вооруженности литератора, мы стоим перед гигантским подъемом уровня идейной жизни всей нашей интеллигенции. Это должно привести и к новому подъему идейного уровня нашей литературы, самой передовой литературы в мире.

Враги народа культивировали навыки групповой злобности. Быстрейшая ликвидация всех последствий вредительства — наша важнейшая задача.

Программой всей нашей работы являются незаменимые слова товарища Сталина: «Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садонные выращивает обильное плодородное дерево».

Ума» Грабова, «Войне и миру» Л. Н. Толстого, «Ревизору» Гоголя, «Раштанке» Чехова, иллюстрации к «Робинзону Крузо», «Евгению Онегину» и «Пиковой даме» Пушкина.

О. Л. Делла-Вос-Кардовская дала на выставку портреты и пейзажи. Здесь: портреты артистов В. Качалова, Ю. Юрьева, В. Массалитиной, писателя Л. Леорова, картины «Маленькая женщина», «Прачка», «Ткачихи фабрики «Красная Роза», «Последние минуты жизни Пушкина» и другие работы.

Выставка будет открыта около месца.

Годовщина выборов в Верховный Совет СССР

Встречи депутата В. И. Лебедева-Кумача с избирателями

12 декабря в клубе завода «Бачук» 700 рабочих — избирателей Фрунзенского района встретились со своим депутатом в Верховный Совет РСФСР, потом — орденосцем т. В. И. Лебедевым-Кумачом.

Тов. В. И. Лебедев-Кумач выступил перед избирателями с большой речью. — Ровно год назад, — сказал он, — мы все с чувством огромной радости походили к избирательным урнам, чтобы голосовать за сталинский блок коммунистов и беспартийных. Сегодня хочется вспомнить те замечательные настроения, которыми мы жили в дни предвыборной кампании.

Поэт читает свое стихотворение «Наша правда», написанное им к выборам в Верховный Совет СССР.

Рассказывая о своей депутатской работе по Фрунзенскому избирательному округу, т. Лебедев-Кумач говорит о насущных нуждах района: о постройке дорог, о необходимости открыть в районе большой кинотеатр, о доме пионеров. Далее депутат говорит об интеллигенции и ее тесной связи с народом.

— Товарищи избиратели, я пришел к вам на митинг в форме железнодорожника. И горжусь тем, что я как почетный железнодорожник могу носить эту форму, которая является для меня как бы символом связи интеллигенции с самыми широкими массами трудящихся, связи работы умственного и физического труда. Партия вывела «в люди» наших лучших людей. Каждый интеллигент должен служить народу всеми своими силами, должен быть широким в передаче другим своего культурного богатства и своих знаний. Каждый интеллигент должен поднимать уровень своего культурного уровня отстающих, не забывая в то же время идти вперед за теми, кто является светочем культуры, науки и искусства. В стихах великого

грузинского поэта Шота Руставели говорится: ...Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое...

В нашей Советской стране осуществляется огромная связь интеллигенции с народом. Советская интеллигенция с радостью отдает народу свои знания и свое искусство. Эта связь интеллигенции с народом должна все больше шириться и крепнуть.

Собрание послало приветствие товарищу Сталину.

В этот же вечер т. В. И. Лебедев-Кумач встретился со своими избирателями — слушателями Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Он рассказал им о своей работе депутата.

— На предвыборном собрании в одной военной школе избиратель командир т. Першин дал мне такой наказ: «Посылая нас в Верховный Совет РСФСР, мы прежде всего вменяем вам, как депутату, в обязанность писать стихи и песни, помогающие нам жить и работать, помогающие нам побеждать врага. Набирая вас депутатом, мы тем самым, посылая вас нашим полпредом в литературу, боритесь за литературу, понятию широким массам, за литературу народную, боевую. Мы знаем, что и в литературе могут встретиться «шверсанты» и «варшители». В боях с вражескими течениями в советской литературе опирайтесь на нас, мы всегда окажем вам поддержку. Я твердо запомнил этот наказ и стараюсь следовать ему в своей литературной и депутатской работе».

Затем В. И. Лебедев-Кумач рассказал о многочисленных письмах, которые он получает со всех концов страны. Боины всех родов оружия пишут т. Лебедеву-Кумачу о своей работе.

Слушатели Военно-политической академии им. В. И. Ленина тепло приветствовали депутата-поэта.

А. ИР.

За пять дней

ДЖАМБУЛ ВЫЕХАЛ В АЛМА-АТУ

Вчера вечером народный певец Казахстана, орденосец Джамбул Джабаев выехал из Москвы в Алма-Ату. На Казанском вокзале Джамбула провожали писатели.

Во время пребывания в столице народный певец Казахстана осматривал Москву, выезжал на Химкинский вокзал, посетил мавзолей Ленина. Проведены большие вечера встреч Джамбула с советской общественностью Москвы. Эти вечера состоялись в Колонном зале Дома союзов, в Государственном театральном институте, на автозаводе им. Сталина и в Центральном доме Красной Армии им. Фрунзе.

Народный певец Казахстана Джамбул перед отъездом из Москвы в беседе с нашим сотрудником сказал:

«Москва привлекла на меня неизгладимое впечатление. Здесь я видел сотни новых зданий, воздвигнутых за годы советской власти».

Не имея возможности ответить на все приветствия и поздравления, поступившие на мое имя в связи с награждением меня высшей наградой советского правительства — орденом Ленина, я прошу через вашу газету передать сердечную благодарность всем товарищам и организациям, разделившим мою радость и особенно трудящимся столицы за оказанный мне теплый прием и внимание».

К ЮБИЛЕЮ «САСУНЦИ ДАВИД»

БРЕВАН. (Наш корр.). Десятого и одиннадцатого декабря состоялось второе заседание правительственного юбилейного комитета по празднованию тысячелетия народного эпоса «Сасунци Давид». Заседание заслушало окончательный текст эпоса в размере десяти тысяч строк, составленный бригадой, в которую входят профессор Абов, профессор Аветян, научный сотрудник Ганалаян. Свойный текст эпоса составил бригадой по дошедшим к нас пятидесяти вариантам. Юбилейный комитет утвердил представленный окончательный текст, отметив большую работу бригады. Комитет утвердил также русское название эпоса «Давид Сасунский», решив поручить бригаде, составившей армянский текст эпоса, окончательно отредактировать русский перевод.

ОТКРЫТИЕ КУРСОВ-КОНФЕРЕНЦИИ

По приглашению союза советских писателей в Москву приехали молодые писатели и поэты братских республик на курсы-конференцию.

11 декабря в Московском клубе писателей состоялось открытие конференции. Л. Соболев ознакомил гостей с целью, которая поставлена перед курсами-конференцией. В. Лавут изложил план работ, а П. Павленко рассказал о форме встреч с писателями, музыкантами, художниками, артистами. — Это будут встречи со старшими мастерами, которые поделаются опытом со своими друзьями по творчеству».

От имени московских писателей участников конференции приветствовал А. Беляевский.

Заключился вечер концертом, в котором приняли участие лауреаты международных конкурсов Эмил и Лиля Гильдериус.

Собственно, к работе конференции приступила еще до ее официального открытия. 10 декабря гости познакомились с Московским планетарием, где им была показана пьеса «Джорджо Бруно», 11-го они осматривали Музей Ленина, 12-го с утра архитектор т. Ротов ознакомил молодых писателей и поэтов с реконструкцией Москвы, с архитектурой ее и историческими местами. Вечером проф. С. Чемалянов провел беседу о музыке оперы «Борис Годунов», которая была потом прослушана в театре им. Станиславского. После спектакля режиссер Б. Вершилов, Вс. Мейерхольд и артисты-исполнители в живой беседе рассказали о работе над спектаклем и об особенностях прослушанной оперы.

13-го утром в Третьяковской галерее заслуженный деятель искусств Игорь Грабарь ознакомил гостей с живописью XVIII—XX веков. Вечером после предварительной беседы с проф. С. Чемаляновым молодые писатели прослушали в Большом театре оперу «Борис Годунов».

В ближайшие дни состоятся интересные встречи. В клубе писателей А. Толстой проведет беседу на тему «Дниги писателя»; на выставке Пушкина В. Вересев и М. Шяловский покажут рукописи великого поэта и расскажут о том, как поэт работал; в Музее изящных искусств проф. В. Лавров проведет беседу о классической живописи и скульптуре. Предстоит также встречи с Н. Асеевым, К. Чуковский, Л. Квитко.

Московские писатели, желающие принять участие в беседах, экскурсиях, вечерах, организуемых для курсов-конференции молодых писателей союзных республик, должны обратиться к дежурному секретарю клуба писателей.

Группа товарищей, принятых в союз советских писателей (слева направо — внизу): М. Водопьянов, Т. Пливы, А. Коваленко, М. Юфит, А. Раскин, М. Слободской, Г. Байдуков; (вверху): Е. Пермяк, С. Радзинский, И. Рахтанов, А. Чуркин, В. Лившиц, П. Шубин.

«Эпоха, в которую мы живем»

★ ЛЮК ДЮРТЕН Письмо из Франции

Действие происходит в совершенно вымышленной стране, которой тогда бы быть любя из страны Занала. Чапек показывает нам женщину-мать. У нее пятеро сыновей — во всех смыслах блестящих молодых людей. Ее муж, офицер, убит 17 лет назад, во время колониальной экспедиции. В семье утвердился культ памяти покойного. Его рабочий кабинет стал чем-то вроде музея. Великие героические образы отца на детей безостановочно передаются. Я заговорил об этой теме не потому, что она переведена мной для парижского театра; нет, я хочу сказать, что перевел я ее потому, что она показалась мне специально созданной для мировых событий, для мирового театра.

Основная проблема пьесы та именно, которую наша совесть сегодня ставит перед каждым из нас: Зачем жить? И есть ли для человека что-либо более важное, чем жизнь? Эта тема «зачем жить?» удивительно близка к теме «зачем умирать?» Должен ли человек ставить свои убеждения, свои идеалы выше инстинкта самосохранения? И есть ли в мире какая-либо вещь, существо или идея, имеющие право захватить нас целиком, без которых жизнь становится нежизнелюбимой того, чтобы жить?

Карел Чапек со всей прямотой ставит эти вопросы в своей пьесе «Мать». Что бы не случилось с произведением Горького, я, по предложению режиссера Марселя Эррана, назвал ее словами, взятыми из предисловия автора. Получилось, впрочем, как нельзя более подходящее название — «Эпоха, в которую мы живем».

Прежде всего, почему был убит отец? Ради чести знамени, ради дисциплины? Безусловно. Но также и потому, что его полковник дал ему «идиотский приказ».

Врач, давший привить себе желтую лихорадку, чтобы изучить ее действие, заявляет, что «в этом нет и малейшего героизма... Героизм, честь? Это ребячество. Но крупная задача? Это, это стоит играть! Неправда ли, вы узнаете здесь настоящего героям усенного?»

Очень правдиво обрисованы Чапеком два близнеца. Как только речь заходит об их идеях, оба, не колеблясь, ставят на карту свою жизнь.

Наконец, младший, поэт, существо чувствительное, нервное. На его долю выпала высшая задача — защитить родину, втянувшую в неравную борьбу. И юноша, который не может спокойно видеть раненого лошаля, хочет защитить родину земью и убивать врагов...

которые нам показывает Чапек, нет ничего ужасного или сверхъестественного. Они не внушают страха.

Отец шепчет: «Да, люди всегда умирают ради чего-то». Если бы он был еще жив и жил бы со своей женой и детьми — «это было бы недурно». «А когда я смотрю на вас, мой мальчик, я говорю себе, что хоть один из вас сделал что-то хорошее или великое». Врач и летчик, вспоминая о своих мучениях, в один голос говорят: «Умереть надо за что-то великое: за науку, за родину, за благо человечества. Правда, когда это уж случилось, то не кажется особенно приятным. В самой смерти нет большой красоты».

А девушка, мирно прожившая всю свою жизнь, утверждает, что в существовании, подобном его, действительно было мало толку.

Разразилась война. Агрессоры заняли страну, угрожают столице. Весь народ встает на защиту своей независимости. Младший сын, последний живой член семьи, хочет идти в армию. Это сильней его. Он должен это сделать. Мать встает при мысли об этом новом ударе. Она хочет сохранить сына любой ценой. Яростно, пылко она его просит, умоляет, приказывает остаться.

Но вдруг мертвыми оказываются здесь в комнате, такие, какими они их знала живыми. Они припала, чтобы увидеть мать отсутствующего сына. И потрясенная мать приносит свою жертву, она протягивает сыну ружье.

Заключительный поступок матери в пьесе — это акт веры в идею... Друзья, сорвите пелену, застилающую ваши глаза! Посмотрите на Европу и на мир... Газе вы когда-либо видели такое количество убитых, замкнутых жизней? И, на раду с этим столько героических сердец!

Больше поэтов хороших и разных!

Сила мечты

Так называемая консолидация поэтической силы, как известно, началась с обсуждения статьи критика Успенича «О поэтической поэзии»...

Резкость тона и некоторые несправедливости, допущенные критиком в статье, только ускорили уже и до этого наметившуюся тягу поэтов к совместной и дружной работе...

Со времени опубликования статьи Е. Успенича прошло более года. В поэзии за это время появилось немало поэтов...

В «Правде» одна за другой появляются три статьи о поэзии: статья Т. Трегуба, статья Валентина Катаева и наконец редакционная статья...

В «Комсомольской правде» печатается статья поэта С. Карсанова «О молодых поэтах»...

В «Литературной газете» появляются статьи Т. Лебедева-Кумача и Евгеньевича...

Подозревать советскую прессу в какой-то несоблагодатности по отношению к советской поэзии и на этот раз, как делают некоторые поэты, неправильно с точки зрения интересов самой поэзии...

Главные упреки прессы, видимо, сводятся к тому, что в основу нашей «консолидации» положено и плохое творчество некоторых поэтов...

Как нет картотеки современных тем, так нет в литературе и тем индивидуальности (Говорят — я темой пи-ли-ли-лу-а-а!) — В. Маяковский, ни тем общим...

«Двенадцать» Блока и «Хорошо» Маяковского, «Дума про Опанаса» Багрицкого, «Семен Прокляков» Асеева...

Как известно, эта замечательная формула дана В. Маяковскому в его «Послании к пролетарским поэтам»...

Отсюда не следует делать неверный вывод, что литературное движение есть некое движение звезд «первой величины»...

Определяя слагаемые нашей консолидации или оценивая отдельные произведения наших товарищей, руководствовались ли мы представлениями такого рода?

Печатаю в порядке обсуждения статью Ю. Уткина, редакция открывает дискуссию по вопросам поэзии.

литической поэзии», — нет, не руководствовались. Здесь — и в определении сла консолидации и в оценке поэмы А. Жарова — скорее, как говорят юристы и дипломаты, наблюдалось одностороннее применение формулы В. Маяковского...

И, пожалуй, по принципу: если разное, то и хорошо. Понятно, что источником такого расхождения формулы Маяковского, при добросовестном ее истолковании, не могла служить, первоначально этих критиков следуют искать скорее в рассуждениях, прямо скажем, не очень талантливых поэтов...

«Все мы не Пушкины и не Маяковские. И не будем ими. Все мы пишем приблизительно одинаково и приблизительно на одни темы. Ну, один немного лучше, другие немного хуже. В чем же дело? Давайте, как, мол, сказал Маяковский, «курну славы в общий сум» и пусть «нам общим памятником будет построенный в боях социализм»...

Памятник-то может быть и общий. А вот поэзия должна быть отдельной. Но, видимо, не рассчитывая на свои собственные силы, некоторые литературные посредственности, но без оснований для себя пытаются под видом общей курницы славы создать «общий котел советской поэзии»...

Но, если бы даже в советской поэзии и наблюдались эти жалкие темы, то это только бы свидетельствовало о скудности советской поэзии, которая ограничила свой круг темами нескольких литературных удач...

Но, к счастью, это совсем не так. Темы советского поэта столь же разнообразны и многогранны, как окружающая его жизнь. И эта многогранность поэзии и придает ей ту силу мобилизационной готовности, в которой находится вся наша родина...

И как нет картотеки современных тем, так нет в литературе и тем индивидуальности (Говорят — я темой пи-ли-ли-лу-а-а!) — В. Маяковский, ни тем общим...

«Двенадцать» Блока и «Хорошо» Маяковского, «Дума про Опанаса» Багрицкого, «Семен Прокляков» Асеева, — все эти вещи, так сказать, одной темы, но что общего между ними? Если даже не все они одинаковы по силе своей выразительности, то все они, несомненно — поэзия. И все они будут жить. Потому что в них соблюден единственный верный в поэзии принцип — индивидуальности поэзии...

Отвечая на этот вопрос, не следует забывать, что генеалогия «общего котла» несомненно своими ветвями восходит к теоретикам РАПП...

Полиэтические авантюристы, хозяйничавшие в свое время в РАПП, могли прийти к руководству литературой, только устранив от этой роли самих писателей. С этой целью и были созданы знаменитые литературно-политические «установки»...

Но обойтись совсем без писателей, даже при циничной системе авербаховского руководства, было невозможно. Кто-то же должен был реализовать «творческие установки» РАПП. Так возникает двойная обойма «ведущих поэтов» РАПП, для

безопасности которых создается этаким литературным settlement, обесцененный коллектив проволочкой привилегированных авантюристов. Как-то: «космополитический поэт», «пролетарский поэт», «спорт-партизан», «крестьянский поэт» и т. п. Для того же, чтобы спокойно обитатели settlement'a уж окончательно ничто не угрожалось, для лиц, способных нарушить это спокойствие, была создана другая терминология: «мекакобуржуазный поэт», «спорт-лефовец», «спорт-уладожник», «мещанский поэт»...

Несомненно, существовали и те и другие, но, в интересах групповых, разповских заправил нарочито перенутили адреса. Только таким образом в буржуазных поэтах в РАПП мог ходить В. Маяковский, а в «крестьянские» — люди, впоследствии разоблаченные как враги народа...

Когда же этого оказывается недостаточно, то разповские заправилы вопросы литературного качества откровенно переводили в плоскость количества. Объявляя массовый призыв ударников в литературу. Создали «напостовскую смену». И сверху, уже над всем этим, уложили та же самую мраморную плиту «седемнадцатияния»...

Чтоб встать он из гроба не мог! Такова история некоторых литературных репутаций и литературных «установок».

Поэтому не следует очень удивляться тому, что некоторые посетили этих репутаций в период консолидации советской поэзии, после ликвидации РАПП, оказавшись лицом к лицу с читателем и смертельно напуганные этим обстоятельством, попытались самозащититься теориями вроде «демократической поэзии», «политический жанр» и т. п. благоглупостей, невыраженным синтезом которых является «общий котел».

Самое собою разумеется, что, говоря о «политических поэтах», эти люди по существу ничуть синонимов изжившим себя званиям (космополитический, пролетарский и т. д.), призванным в свое время обозначать отсутствующее качество в стихах этих поэтов. Нетрудно догадаться, что авторы теории политического жанра хотят раздвинуть всю советскую поэзию на два основных «жанра»: политический и неполитический, то-есть — плохой и хороший, и что под «жанром политическим» будет подразумеваться жанр «хороший», в котором и будут работать эти... плохие поэты.

Но если верны слова Бальтера о том, что все жанры хороши, кроме скучного, то они верны и для советской поэзии, поэзия плебейной, то-есть политической.

Другое дело, если бы эти люди говорили о возможной жаровности творческой индивидуальности поэта. Если нет и не может быть типично советских жаров, то может быть жанр, типичный для творческой индивидуальности советского поэта. Ярким примером этого положения в советской поэзии является Лебедев-Кумач.

Потому для людей, действительно заинтересованных в приращении консолидации поэтических сил, одним из основных условий консолидации должно было бы явиться раскрепощение поэтических жаров:

Но могут ли хотеть и хотят ли этого так называемые «демократические по-

эты? Приведенное нами дает основание сомневаться в этом.

О какой «демократической поэзии» в самом деле сейчас может идти разговор, сейчас, после слов товарища Сталина о том, что в СССР стираются грани между трудом физическим и умственным? Ведь применительно к литературе это означает, что хорошая книга в СССР с одинаковым успехом читается и профессором и студентом. Вот такая-то книга и есть советской поэзии, а не демократично творческой Пушкина, Некрасова, Гете, Шиллера и т. д. Разумеется, подлинно советское искусство все демократично, потому что оно служит народу, а служит народу надо хорошо.

Для кого же собираются писать свои книги так называемые «демократические поэты»? Или они полагают, что специально для них будут созданы этакое «демократическое» лектории читателей? Не думаю, чтобы эти люди были столь наивны. Скорее, думаю, делаю вид, что они заботятся о различных голосах советской поэзии, эти люди на самом деле заботятся о голосах за себя. Но это скорее похоже не на консолидацию, а на групповишину, оборотной стороной которой и является «панклубизм».

Если первые, групповишники, под видом заботы о разных голосах на самом деле заботятся о себе, то вторые, не желая изменить литературную обстановку в интересах всей советской поэзии, пытаются это сделать в интересах группы избранных. Но и те и другие забывают, что формула Владимира Маяковского включает в себя не только требования «хороших» и «разных», но и требования «борьбы». Поэтому единственно верной может быть признана та консолидация, которая происходит в интересах всей советской поэзии в целом и каждой творческой индивидуальности в отдельности.

Но для консолидации такого рода необходимы большая внутренняя творческая честность и воля. В особенности эти качества необходимо было бы обнаруживать людям, много лет существовавшим в литературе на дотации РАПП. Но, как показывает опыт последних лет, у них-то как раз меньше всего и оказалось этих качеств.

Не найди в себе ни достаточных сил, ни желания после ликвидации РАПП пересмотреть свою творческую практику, эти люди обратили свои силы на то, чтобы слабости свои сделать чуть ли не признаками советской поэзии. Муть воду, они делают все зависящее от них, чтобы уклониться от разговора о существующих творческих проблемах. Иногда это им удается. Так это было, не без вины и пипущего эти строки, в дискуссии о «политической поэзии». Вопрос о качестве тогда был погребен вопросом о «страхе политических поэтов».

Как говорит: вылезнув из ванны вместе с водой и ребенком, мы дали тогда возможность людям, много лет плохо работавшим в поэзии (Д. Алтайцев, А. Жаров, А. Безыменский, А. Сурков), укрыться за стеною консолидации. Но консолидация, за которую пряталась плохо пипущие поэты, — плохая консолидация.

Об этом-то резко, но справедливо и напоминать как советская пресса. И не согласиться с этим нельзя.

В пятый класс являлся новачок. Не простой какой-нибудь мальчик, а в военной гимнастерке с голубыми петлицами. Звали его Геннадий Черемш. Когда учительница Евдокья Власевна спросила — не родственник ли он тому самому Черемшуту, знаменитому летчику, мальчик, зарумянившись, ответил: «Это мой брат».

Среди многих качественных показателей художественного произведения — эстетических и идеологических — есть один, весьма существенный, о котором часто забывают. Это — советская особенность творческого мышления, своеобразное художественное зрение у автора, подмечающего характерные черты советских будней и советских праздников.

Всеобщая любовь, которой окружены у нас герои, — важнейшая движущая сила в новом рассказе Л. Кассля «Черемш, брат героя». Автор не приходит к такому распространению, чтобы утверждать в сознании читателя основную мотивировку событий. Она существует и вне книги, ею пропитана сама жизнь, общественная атмосфера страны.

Летчик Климента Черемша предпринимает новый неслыханный полет — выскочит через всю громадную страну, из Востополя на Чукотку, Осень. Ему предстоит борьба с холодными ливнями на юге, с заморозками и туманом в центральной полосе, с морозами и метелями тайги.

Газеты сообщают о ходе перелета. В классе на большой карте лентой, приколотой к доске, обозначен смелый маршрут... Черемша летит уже над тайгой. И вдруг связь с ним прерывается, флажок на карте ахнет на месте.

Мы с вами знаем кое-что, читатель. Мы знаем гораздо больше всех действующих лиц рассказа. По интонации некоторых авторских замечаний, по немногим, но весьма многозначительным намекам, мы догадываемся, что ученик 5-го класса Геннадий Черемш — хвастунишка, выдумщик. Но мере развития мы убеждаемся в этом все больше и больше. Но дальнейшие события вовсе не теряют от этого своей остроты, наша заинтересованность в судьбе Гешки Черемши несколько не слабеет. Мы читаем главу за главой со все возрастающим интересом, потому что не в обмане только дело, не в трогательном хвастовстве, не в мальчишеской спекуляции на случайном сопереживании имен, а в той великой любви и гордости, которыми охвачен каждый советский человек, от мала до велика, перед мужеством, выносливостью, силой и знаниями лучших сынов народа.

Разоблачение Гешки могло произойти и раньше, от этого ничуть не изменилась бы напряженная обстановка в классе в тот день, когда знаменитый летчик пропал в бескрайних даях тайги.

«Ты только, Геша, не волнуйся, прежде всего», — говорила Аня. — Я вот почему-то уверена...

«Конечно, мало ли что, — начал толстый Плинтус. — Может быть, знаешь чего? Может, вдруг атмосфера не пропускает там радио. А потом пропустит, и мы узнаем».

«Атмосфера, атмосфера!» — сказал Гешка. — В голове у тебя, видно, атмосфера».

Неизвестность положения Климента Черемши волнует нас без особых к тому авторских стараний. Эти тревожные, эти полные волнений часы, когда испытываются

силу жизни человека, и успехи нашей отечественной индустрии, и национальная гордость, и победное чувство советского превосходства перед капиталистическим миром, — эти часы переживаются глубоко всем населением Союза. Достаточно поговорить оной решкой, чтобы возник ответный горячий отклик. Учителям же сообщают, что все благополучно, летчик на Багачке.

«И все зашлодировали в классе, все кричали «ура» и стали хлопать друг друга по опятам, а Плинтус, надув свои румяные щеки, был по ним, как по барабану».

Одна из следующих глав названа «Тайга раскрывается». В этой главе мы без особого удивления находим подтверждение своим догадкам: Геннадий Черемш вовсе не брат героя, а всего только оммажионер. С этой минуты основная мотивировка исчерпана, и сюжет движет друта, параллельная мотивировка, но столь же сильная и жизненная. Наша любовь к герою — действительна. Герой Советского Союза является собой тот высочайший образец, по которому равняются советские люди.

Гешка — маленький хвастунишка. Но, соправ на тиславия ученикам и педагогам, утешив дождем мелкое чувство, он взал на себя груз непомерных, сопутствующих обязательств: быть братом героя не так просто, брат героя должен превосходно учиться, чтобы с достоинством нести свое имя.

Сила любви и сила мечты действуют одновременно, и обе они порождены самим духом советской жизни.

Приезд Климента Черемши в тот самый городок, где учится Гешка, и страх перед неминуемым разоблачением обезоруживают мальчика. Мечта о том, что у него есть знаменитый, всем народом чтимый брат, свью минуту с позором расстается. Гешка опустелся, стал рассеян, перестал учиться и, наконец, бросил школу; томный стыдом, он укрылся в сторожке на рыбачьей пристани.

Но, разумеется, это не конец. В советских условиях закономерно иное разрешение сюжета. Климента Черемша и Геннадий Черемш — все же не чужие люди, перед нами большой и маленький гражданин одной и той же страны, в которой равнодушие почитается мерзостью преступлением. Герой и школьник встречаются, мальчик нечего опасаться насмешек в школе. Климента Черемша братается с Гешкой, школьник вернулся за парту. И вот какое письмо пришло вскоре в мальчишью, одноклассничью мальчишью дружку:

«...У нас почти нет по рогу, не по племени, а по делам. Будь ты кум или брат чей угодно, а наваль сам себя проявить самостоятельно. Ну, а мечта, товарищ, штука в жизни весьма уважительная. Мечта человека в люди выводит. И смеяться над ней нечего. Так что условимся, давайте, так. Поскольку уже вы привыкли меня считать близким родичем пятого класса «Б», то беру и в дальнейшем братское поство, что ли, над вами. И насачко Геннадий — тезку по фамилии — по этой части главным, раз уж мы с ним побратались».

Маленькая повесть о чудотворной силе любви и мечты отлично удалась Л. Касслю. И не столько потому, что он блеснул здесь особенными формальными достижениями, богатством и разнообразностью словесного мастерства, описываемые автором события могут происходить только в наши дни и только в нашей стране. «Черемш» отвечает требованиям современности. Важнейшие, основные мотивировки повести именно поэтому и обладают увлекательной силой, что почерпнуты из самого воздуха, которым мы дышим изо дня в день.

РАБОТЫ С. МАРШАКА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинграде выходит сборник избранных произведений (стихов, песен, сказок, загадок для детей) С. Я. Маршак.

Приехавший для окончательной редакции книги Т. Маршак раскопал вашему корреспонденту о своих новых работах:

«Сейчас я пишу книгу «Война трех дворов». Эта повесть о внопах, вступающих в жизнь, является моим первым большим прозаическим произведением. Одновременно я работаю над детской «Абу-кой» и «Книгой для мальчиков», в которую войдут мои стихи и песенки. Недавно в «Литературной газете» были напечатаны мои новые переводы из Бернса. Над этими переводами (как и над переводами английских народных баллад) я продолжаю работать сейчас».

Много страниц в повести уделено описанию жизни солдат в германской оккупационной армии. Эта часть книги сделала так же иллюстративной и поверхностно, так же «просто» и бездумно.

Вся повесть состоит как бы из трех частей, скрепленных почти что только единством времени. Исторические отступления, иногда написанные в виде диалога, — это верный пласт; жизнь крестьян Тарновских, судьба Хоруженко и Галашевой; события в германском кавалерийском отряде — третий. Повесть не окончена. Описание германской оккупации на Украине, широко начатое автором, обрывается. Хоруженко и Галаша, потерявшие друг друга на средние книги, так и не встретились, хотя никаких непреодолимых препятствий между ними не было. Какое будет дальнейший путь многочисленных персонажей повести — неизвестно, да, впрочем, читатель этим не очень даже интересуется. Было бы написано еще пятьдесят страниц — все равно ничего нельзя было бы ни поправить, ни запомнить в этой повести.

«Литературная газета»

№ 69

С. НАГОРНЫЙ Повесть «Враги»

Солдат, утомленный войною, тоскующий по земле, по невесте, оставшейся дома, возвращается с фронта в родную деревню. И летит его здесь не отхля, не мирный труд на земле, не счастливая жизнь с любимой женщиной, а война — снова война, на этот раз революционная война с помещиками, кулаками и германскими захватчиками. Солдат идет в партизаны...

Так начинается повесть Валентина Катаева «И, сын трудового народа»...

По этой же схеме построена повесть Александра Милляевского «Враги», вышедшая в XI книге журнала «Звезда».

Шикарные упрехи. Загорного ничего нет в том, что одна повесть напоминает какому-то чертам другую. В конце концов, если сюжет Катаева становится традиционным, то это лишь доказательство его жизнеспособности, его исторической правды.

большевиками, оказывают немцам мародерам вооруженное сопротивление. Окупанты жгут деревню, расстреливают украинских крестьян и рабочих, убивают женщин и детей, грабят хлеб и скот. Ширится освободительная война, и в то же время в рядах захватчиков, в их собственной армии идет процесс разложения — революционизируется германский солдат.

Эти исторические события автор пробует описать в ряде несвязанных между собой и прерывающихся основной потоком повествования картин.

Собственно говоря, это даже не картины, а диалоги; или автор хочет заменить, как формой более «живой», обыкновенные исторические описания. Прием слишком «простой», примитивный — по каждой надобности в повесть выносятся новая «пара» собеседников, они говорят между собой. Назидательный, популяризаторский смысл их разговора ничем не скрыт от читателя (все ясно, нагляднее мыслить читателю не дано), они иллюстрируют несколько выразительными тот или иной известный тезис, а дальше исчезают из книги навсегда, не оставив, конечно, о себе никакого воспоминания. Обрисованные лишь внешне, эти «свещающие» не могут претендовать даже на роль антологических фигур повести. Если эти враги — читатели не успевают их возненавидеть, если друзья — не успевают полюбить. Так, чтобы «объяснить» предательскую роль Центральной рады, автор поставляет две странички беседы между главарями украинской контрреволюции. Такой разговор неправдоподобен — он слишком «заказан», кажется, что люди разговаривают в первый и в последний раз в жизни. Впрочем, это

закономерно — они появились в повести только для этой беседы, они обязаны сказать все!

Точно так же решается другая задача — «объяснить» программу германского империализма. Выписывается в повесть беседа двух немецких офицеров. Достаточно нескольких записанных, точных, как тезисы, фраз, — и по замыслу автора задача решена.

Это прием не беллетристический. Это и не пропагандистский прием.

В повести может быть сколько угодно вымышленных персонажей, выписанных с сей сестр ограниченный пет. Но эти люди, выписанные читателю на короткий срок, должны быть очерчены точно. Нужен тонкий портрет, яркая живописная характеристика, впечатляющая читателя и оставляющая след в его памяти. Чем может нас восхищать и образовывать возникший в повести на несколько минут «президент» Совета Рабочих и Солдатских депутатов, человек без имени, без характера и даже без внешности (если не считать «сметливых глаз», поминутых автором четверть часа на протяжении тридцати строк)? А между тем он не случайно введен в повесть — мы догадываемся, что автор стремится показать, как пролетариат руководил крестьянской борьбой за землю.

Искусство оперирует только конкретным, только непосредственно индивидуальным. Следовательно, все, что описывает художник, он описывает впервые. Он работает по памяти, прямым зрением, воображением, помогающим ему восполнить недостаток жизненного опыта, — но он не может

пользоваться теми неопределенными и раздольничатыми общими представлениями, которые часто служат нам — в быту, но не в искусстве! — вместо знаний конкретных.

Вот пример. Тарас Хоруженко вспоминает, как провозжал его в солдаты. Жанровая картина «Проводы новобранцев» давно существует не только в литературе, но и в живописи. Широко популярна картина передвижника Савицкого, есть и другие на эту тему. Спросите себя, как провозжала деревня режущего? Разве нет в нашем сознании уже готового, но зато неопределенного «среднего» представления об этом? Конечно же есть, вот оно: толпа у околицы, колышет бабы, плачет гармонь, убивается невеста или мать. Иначе говоря, мы знаем все о проходах новобранцев вообще, но мы не знаем ничего о том, как уходил в солдаты Тарас Хоруженко. В повести мы читаем: «Вспомнилось и раннее утро. Степелистый туман за рекой. Толпа женщин за околице, проводы новобранцев. Надрывно, на низких тонах, плачет гармонь. Извечная тоска расставания в немудреных ее переборах. Тронулись кони, зазвучала пыль, заголосили бабы...»

Нужно ли быть Тарасом Хоруженко, чтобы так рисовать день своего расставания с домом? Гармонь, окопана, пыль на дороге суть приметы невыразительные. Можно предположить, без риска ополчиться, что солдата-крестьянина провозжали в гармонью. Такое именно предположение делает А. Милляевский, это его безобидный, очень простой, но ничего общего с искусством не имеющий прием.

А. Милляевский пишет: «Сердце защемит тоской по дому», «чувство острой обиды скало гудя Гале». Когда вольно, в полной темноте, два человека ползут на разведку, «...Тарновский, ползший вперед, задулся ногой в ризовой проволочке». Это написано без напряжения мысли и воображения, без самоконтроля. Если темно, то откуда известно, что проволочка «ржавая»? Когда, чтобы иллюстрировать некий исторический этап, А. Милляевский выводит на страницы повести очередную «пару» собеседников, генерала и дипломата, то можно уже заранее предположить, что генерал будет «прикопанным», а дипломат — «стоющим» в своих суждениях.

Подобно тому, как в театре масок все персонажи являются зрителю в знакомых, никогда не меняющихся восточках, — герои повести «Враги» припадают на странички книги с «заранее данным» характером. Кони и фера, лады и слон ходят по шахматной доске всегда одинаково, и каждый, взглянув на деревянную фигуру, знает, как она будет ходить, и от этого игра не становится скучной. Но в искусстве «заранее данные» ходы невозможны.

Тарас Хоруженко — фигура не изменяющаяся. Его ранят на фронте, он попадает под расстрел, спасается, но это лишь внешние события, они ничего не меняют в характере Хоруженко.

И так как люди Милляевского внутренне не изменяются, то «порой их поступки, которые могли бы быть естественными, кажутся неправдоподобными, и их биография — скачкообразной».

Галаша — невеста Хоруженко — была радовой и неразвитой крестьянской де-

11 декабря в Клубе советских писателей (Москва) открылся курс-конференция молодых писателей братских республик. На снимке: писатели Анна Караванова и Людмила Собольева среди молодых писателей братских республик. (Фотохроника)

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ГЛАВЫ РОМАНА

Уезд в тылу

Помню вечер, он как сейчас предо мною. Это было на мельнице теста. Днем я сидел по его делам верхом в горю.

Я выехал рано. Тоня с Шурой еще спали, когда я на пыльниках выехал от них на свет кончавшейся ночи. Кругом по колее в траве и козарином плаче стояли березы, всматриваясь куда-то в одну точку, откуда близилась осень. Я шел в ту же сторону.

Там за оврагом был двор с домом, где мы жили раньше и откуда незадолго перед тем переехали в лесную сторожку, чтобы освободить место для дачницы. Ее ожидали со дня на день. Среди дел, предстоявших мне в городе, должен я был повидать и ее. На мне были ноше, неравномерные сапоги. Когда я нагнулся, чтобы пересушить пятку в правом сапоге, в высоте над мной промучило что-то тяжелое. Я поднял голову. Два белых пуляки дулили друг друга дружно сквозь листья. Там и сям огибали деревья, враскачку перебрасывая их с верхушки на верхушку.

Хотя предсказание это прерывало частыми перепадами по воздуху, но с такой гладкостью, что оставало впечатление какой-то беготни по ровному предрассветному небу. А за оврагом гремел ведром, отпирал ворота воюноши и селал Сороку работнички Деми.

Последний раз я был в городе в середине июля. Прошло три недели, и за это время прощались новые перемены к худшему.

По правде сказать, мне трудно было о них судить. Своим безумству покупку Александр Александрович совершил в самом начале войны. В первый наш наезд из Москвы на мельницу, как злесь по старой памяти звали его лесное приобретение, уральское лито Юртинга уже было заселено беженцами, австрийскими военнопленными и множеством военных и штатских из обеих столиц. Заболевших сюда все усложнялись нуждами военного времени. Он сам уже ничего не представлял собой и только отражал, как в зеркале, изменения, происходившие в стране и на фронте.

Волны эвакуации докатывались сюда и раньше. Но когда с железнодорожного переезда за Скобянниками я увидел горы обурованности из Прибалтики, сваленные вьюлы путей товарной станции под открытым небом, мне подумалось, что прощит голы, прежде чем что-нибудь вспомнит об этих «Гридах», револьверных трубчатых и «Перунах», и что не мы, а именно эти голы ржавички будут когда-нибудь свидетельствовать, чем все это кончилось.

Несмотря на ранний час, присутствие у воеводского начальника было в полном разгаре. На дворе старший из толпы татар и вояков объяснял, что деревня плетет козлянки под серповидные бутылки для Общества Малоязычных и Нижневаряжских, работающих на оборону. В таких случаях крестьян по простым заявлениям воевод оставили на месте пельми волостями. Ошибкой этой партии было то, что они сами проявили жизнь и кому-то полагались. Их дело затеряли, и теперь, тяготясь скучными поисками, гнали на фронт. Хотя в теплом помещении канцелярии признавали их вояды, на дворе их никто не слушал. Мои бумаги оказались в исправности, и статья о кладах и гризах, по которой гулял Деми, также пока еще не оспаривалась.

За угол от воеводского, по Сенной, против собора был заезжий двор, куда я и поставил Сороку, стесняящую меня в городе за короткостью его расстояний. Был успешный пост. Больше года не пропадали вина в казенных лавках. Но своей тишиной и мрачностью двор выделялся и среди всеобщего потрескывания. Под широкой его крышей тайно промышляли кушачники. Если не считать хозяйки, здесь было теперь

Я отправился к Истоминой.

Об этой женщине что-то рассказывали. Она была родом из вятских мест, кажется, из Перми, и с какой-то сложной и несчастной судьбой. Ее отец, адвокат с нерусской фамилией Люверс, разорился при падении каких-то акций и застрелился, когда она была еще ребенком. Дети с матерью переехали в Москву. Потом, по выходе замуж, дочь каким-то образом снова оказалась на родине. Хозяйство о ней рассказы относились к позднему времени и займут нас не скоро.

Хотя преподаватели учебных заведений мобилизации не подлежали, ее муж, физик и математик юристского гимназия Владимир Васильевич Истомин, пошел на войну добровольцем. Уже около двух лет о нем не было ни слуху, ни духу. Его считали убитым, и жена его то вдруг уверялась в своем неустановленном вдовстве, то в нем сомневалась.

Я влезал к ней по черной лестнице нового здания гимназии с несколькими удлиненными маршами очень тесного и потому кававшегося кривым лестничного колодца. Лестница что-то напоминала.

Чувство той же знакомости охватило меня на пороге учительской квартиры. Дверь в нее была открыта. В передней стояло несколько мест дорожной кладки, дождавшейся обшивки. На нее впитался край темной гостиной с пустым и свинутым с места книжным шкапом и зеркалом, слитым с полувидальником. В окнах, вероятно выходящих на север, горела зелень гимназического сада, освещенного сади. Не по сезону пахло нафталином.

На полу в гостиной хорошенькая девочка лет шести укладывала и стегала мотком голубой шерсти свое кукольное хозяйство. Я взглянул. Она подняла голову. На дальней комнате в гостиную выглянула Истомина с охальной пестрыми платочком, низ которого она волочила по полу, а верх придерживала подбородком. Она была вызывающе хороша, почти до оскорбительности. Связанная движеньем очень шла в ней и была, может быть, расщеплена.

— Вот, наконец, репнулась, — сказала она, не выпуская из рук охапки. — Долго же я вас волочу за нос. — Среди гостиной стояла раскрытая дорожная корзина. Она обсырела в нее платки, отряхнулась, оглядываясь и подошла ко мне. Мы поздоровались.

— Дача с обстановкой, — напомнил я ей. — На что вам туда мебель? — Основательность ее сборов меня удивляла.

фета, толстая, раздутый, как казалось, до своих неестественных размеров посудными гудами помещены и близостью дебаркадера.

На дебаркадер было сушено, а чтобы, минуя дачку, пройти в город путями, по швейцарскому мени не пустил. Словом стелла выходя бросалась в глаза его необычная пустоватость. Стоявшие на нем артефакты смотрели в сторону открытой, вглубь путей отнесенной платформы, служившей продолжением крытых перронов. Туда проехал начальник станции с двумя жандармами. Говорили, что при отправке маршевой роты там незаметно произошел какой-то шум, рода которого никто толком не знал.

Обо всем этом вспоминал я в конце обратного пути, лесной дорогой через рыбинскую казенную дачку, где Сорока, точно зарываясь своей усталостью, сама, втянувшись головой и поедая боками, пошла шагом.

В этом месте с лесом делалось то же самое, что со мной и с лошадью. Мало-мало дорога пролетала сечью. Она порозала травой. Казалось, ее проложил не человек, но сам лес, позлащенный своей необычностью, растушился злесь по своей воле, чтобы порадовать на досуге. Процесс казался его душою.

В ее конце мысом в железной изгороди выливались белый прямоугольник, это были асырные ярымы. Немного дальше показывалась белая деревня. Обрамленный ее с горизонта лес смыкался дальше новым стеною. Истры с их овами оставались позади ничтожных островков. Вероятно, как и в соседнем Пятибратском, часть земли крестьяне арендовали у уделов.

Я ехал шагом и, хлопая комаров на руках у себя, на лбу и шее, думал о своих, о жене и сыне, к которым возвращался.

Я думал о них, лоя себя на мысли, что вот я приеду, и опять никогда им не узнаю, как я думал о них это дождь, и будет казаться, будто я люблю их недостаточно, будто так, как хотелось бы им, и люблю что-то другое и отдаленное, что-то подобное одиночеству и шаталю лопати, что-то подобное кисте. Но растолковать им, что это-то все и есть они, не будет никаким сил, и их недовольство будет меня мучить.

Поразительно, сколько было на их стороне правды. Все это были знамения времени. Их улавливал бесхитрое чувство близки. Нечто более неведомое и отдаленное, чем все эти пространства, уже стояло за лесом, и вихрем должно было пронестись по человеческим судьбам. И она угадывали веянье грядущих разлук и перемен.

Что-то странное было в той осени. Будто перед тем, как выпить море и закупить неом, природа вздумала перевернуть дышало, и его вдруг захватили. Не так куковала кукушка, не так бела и плыла спелый послеобеденный воздух, не так рос и розовел Иван-чай. И не так возвращался человек к себе в семью, дорожке которой он ничего не знал.

Через некоторое время лес порезал. За пелушками логом, межвоем его границей, куда спускался и откуда подымалась затаем дорога, показались пригорки с несколькими строениями. Роша, в которой стояла усадьба, заменила ей ограду. Она была до того зачухана, что могла поазывать злыми кордонам лесников, поплававшимся в разных копках соседнего леса. Из всех глушостей, совершенных Александром Александровичем, это было, может быть, самая непростительная. Какой-то школьный товарищ, занятый в зашей промышленности, присмотрел для него этот вельмошский уголок. Александр Александрович, не глядя, дал письменное согласие на сделку, вместо приобретения луговых земель где-нибудь в Средней России, где ему с большей пользой пригодился бы его животноводческое познания. Но о пользе меньше всего думал этот образованный и тогда еще молодой человек. Он тоже посвящал свои мысли далекому и отвлеченному. Недаром получил в воспитание в его доме нарвание с Тоней, его дочкой. Как бы то ни было, становилось не до шуток. Сокровище это назо было как можно скорее продать на дрова, благо был на них спрос. Фабрики переводили с минерального топлива на древесное, в городе больше всего говорили об этом.

Показался флигель под малиновой крышей. Сорока пошла вскачь. С горы я увидел Тоню и Шуру, со смехом бежавших ко мне со стороны оврага. Конопши так и стояла с утра настел. Только ступил я на землю, как лошадь, вырвав поводья, ринулась в нее к корму и отлукну. Слитком дразнившим ее глаз и обоняние. Шурка запырлял и стал хлопать в ладоши, точно это было сделано нарочно для его забавы.

— Погнем ужинать, — сказала Тоня. — Что это ты хромаешь?

— Никак на ногу не ступило, отскел. Ничего, разомнусь — пойдет.

На-за угла сарая вышел Деми и, скучливый поклонившись, пошел рассказывать и убирать Сороку.

— Да, там в ремнях за селом папе подношение. Надо отвязать и отнести. Где он, кетати?

— Папа уехал до вторника. Днем были с заводом. Сегодня девятое, там какает Мария именинница. А что это такое?

— Продолюственный паек. Если он на Крымже, то тем лучше. Второй получит.

— Ты, кажется, серднишься?

— Судя сама, это начинает входить в систему. Мы не бездельники, не юрды, а папа вот так и попорту отличный человек. Между тем все детство я на хлелбах у вас, папа — у своей родни, та — еще на члх-то, и так далее, и так до безаканности. Мы могли бы жить, не даромствую. Сколько раз предлагал я поделитесь наши знания и способности...

— Ну и что же?

— В том-то и дело, что теперь уже поздно. Это распространилось и стало всеобщим злом. В городе спят и вилат, как бы понасть в приспанники в каком-нибудь горшку посылнее. Это возвращение поессонных времен, знаешь ли ты, что это такое? Каждый, кого ни возьмешь, к чему-нибудь прикреплена и даже не знает, из каких рук в чью авеная и передоверен. Источник самостоятельного существования утрачен. Согласна, ролата в этом зло.

Валерий Брюсов

К 65-летию со дня рождения

Довольство вам — радость стала. Нашего ключек травя.

Бить сытым — больше вам не надо. Есть жвачка — и блаженны вы!

На этих всех, довольных малым, Вы, дети пламенного дня,

Восстаньте смерчем, смертным скавалом,

Крушите жизнь — и с ней меня.

Луначарский верно отметил, что у Брюсова со спадом революционной волны «этот яркая вспышка интереса к общественности угасла или, вернее, отодвинулась в сторону, но она вновь вспыхнула, когда поднялась новая, несравненно сильнее, революционная волна». В грозе и буре Октября семнадцатого года Брюсов, который ненавидел «всей этой жизни строй, позорно-мелочный, неправый, некрасивый», увидел воплощение давних мечтаний:

И вот свершилось. Рок принял грезы; вновь показал свою превратность: Из круга жизни, из мира проэм Мы брошены в невероятность. Нам слышны грома: то — вековые Устои рущатся в провалы. Над снежной ширью бывлой России Рассвет сияет небывалый.

В отличие от многих своих прежних соратников, Брюсов увидел в Октябрьской социалистической революции исторический рубеж, начало новой эры в мировой культуре. Брюсов вступил в коммунистическую партию и принял участие в строительстве новой социалистической культуры.

Было бы, конечно, павностью думать, что, так восприняв революцию, прославляя ее в своих стихах, Брюсов мгновенно переориентировался, стал революционным поэтом. Груз прошлого был для него слишком тяжел, но он был готов «снова стать учеником» и начал упорно работать над перестройкой своего мировоззрения. В наброске предисловия к собранию своих сочинений Брюсов писал: «Я считаю, что около 1917 г. закончился один, совершенно явный, период, как моей жизни, так и моих литературных работ... Европейская война и Октябрьская революция побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть свое мировоззрение. Переворот 1917 г. был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере, я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее. Сколько могу судить, это резким образом сказывается не только на том, что я написал после 1917 г., но и на том, как я писал».

В одной из своих статей (1922 г.) Брюсов строго отделил о символизме, отторгившемся от живой жизни, окаменевшем в своих традициях. «Оценивая поэзию символизма», — писал Брюсов, — я должен, по крайней мере разумно, отнестись отрицательно к их деятельности за последние годы... Доля обвинений, выдвинутых мною против символизма, падает и на меня... Позволю себе сказать, что, критически признав, поскольку способен критически отнестись к себе, и свои стихи 1912—1917 гг. считать не свободными от общих недостатков символической поэзии того периода. Но, продолжая столь же откровенно, думаю, что некоторых, роковых для символизма, путей мне удалось избежать и что мои стихи следующего штилетия выходят за иную дорогу».

Избегнуть «роковых путей» Брюсову помогла вера в творческие силы революции, которые должны создать новую литературу, новую поэзию. Порвав со старым миром, Брюсов выходил на «иную дорогу», но смерть остановила его шаг.

В истории русской литературы начала XX века видное место занимает символизм. Центральная фигура этого литературного течения — Валерий Брюсов.

Творческие «пути и перепутья», пройденные Брюсовым, необычайно сложны и извилисты. Первые стихи его появились в 1894 г. в сборнике «Русские символисты». Но Валерий Брюсов недолго блуждал в туманах декадентства, где мерцали «тепи несознанных созданий». Он упорно шел к реализму. Глава символической школы, он-анимал в ней двойственную позицию. Рационализм, вера в победу разума и четкость мысли — основные черты поэзии Брюсова, которыми он резко отличался от своих соратников-символистов.

В одном из стихотворений, написанных после Октябрьской революции, Брюсов говорит:

Я вырастал в глухом мире, Когда весь мир был глух и тих. И людям жить казалось в бремя, А слуху был неуныжен стих.

Но смутно слышались мне в безднх Невнятный гул, далекий гром, И топоты копыт железных И льдов тысячелетних влом.

В «глухие годы» реакция Брюсов блуждал в туманах декадентства, славил бесплотную мечту, гордое одиночество, уходил в экологию, «в века загадочно былые». Но, прислушиваясь к приближающемуся гулу революции, разрывая тесный круг декадентского индивидуализма, он жадно кинулся в водоворот «жизни повседневной». В его поэзию входят горю, появляются «гражданские мотивы». В 1903 г. он пишет стихотворение «Кинжал», в котором есть такие строки:

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, И песня с бурей ветно сестры.

Брюсов пристально и с огромным сочувствием следил за развитием революционных событий 1905 года. Предчувствуя неизбежную гибель старой, капиталистической культуры, он приветствует ее разрушителей, которые откроют человечеству новые горизонты. Приветствуя революционное действие, он с презрением относился к либеральной политике, к «полумерам». Царский манифест 17 октября, обнародовавший либералов, вызвал гневные

Статьи А. П. Островского в прежние время ставились на грузинской сцене. Но советский грузинский театр еще не работал над его произведениями. Мало того, в репертуаре театра Руставели до сих пор не было вообще ни одной русской классической пьесы. Большой интерес поэтому вызывает постановка «Без вины виноватых» (в переводе Эло Андриашвили) на сцене этого крупнейшего из грузинских театров.

Театр Руставели в этой пьесе привлек сильное и яркое чувство протеста против того социального порядка, который создает «без вины виноватых» людей, который приносит лучшие человеческие чувства в жертву алчности и своекорыстия. Именно это чувство протеста легло в основу спектакля театра Руставели.

Стиль театра Руставели, пожалуй, прежде всего в темпераментности, страстности. И театр верно понял важнейшее свойство творчества Островского, подлинной драматизма, настоящей романтической театральности, т. е. яркое выражение глубоких чувств. Переки в постановках «Без вины виноватых» подлинное волнение, подлинное чувство заменились сентиментальностью, и пьеса превратилась в слабую драму, вызывающую у зрителя не негодование, а сожаление. Этой сентиментальности нет в спектакле театра Руставели. Огромный темперамент, страсть, любящего героическую романтику, создатель спектакля страстный и гневный.

Уже оркестровая увертюра наполнена драматизмом. Театр Руставели хорошо знает впечатляющую силу музыки, и постановщик, народный артист Союза ССР А. Васадзе, посредством музыки усиливает воздействие на зрителя текста пьесы и пры актывов. Композитор П. Гокиели широко использовал элементы русских народных напевов.

Театр бережно передает зрителю мысли, образы и текст Островского. И при этом несколькими сценическими штрихами постановщик дополняет авторский текст. Так финал первого акта, где Муров рвет свои пельса, чтобы не оставить никаких доказательств своих отношений с Любовью Отрадной, Таов финал третьего акта, где Шмага поет задумчиво-печальную

Письмо из Тбилиси

«Не судите, не брагите» и обвиняется с Незнамовым, — минуту отпадает его гартство и раскрывается облик обезболенного, тоже «без вины виноватого» человека.

Постановка «Без вины виноватых» — театральное событие еще и потому, что роль Кручинной играет народная артистка Грузинской ССР Н. Чхендзе, в течение многих лет не выступавшая на сценах крупных театров. Это — настоящий бриллиант театра. Артистка сразу покоряет зрителя человечностью, благородством своей игры. Вы видите на сцене глубоко несчастную женщину, но Чхендзе не хочет, чтобы вы жалели Кручинину, она заставляет вас пережить вместе с ней страдания героини. Чхендзе захватывает большой силой чувства, не допуская на малейшего превеличения. Артистка сдержана в выражении этих чувств, и именно поэтому вы так окупаете их остро. Именно потому, что вы видите все силу духа и силу воли женщины, прошедшей через многие испытания с гордо поднятой головой, вы понимаете, как велика ее скорбь и как труден ее путь. И вы верите, что эта Кручинина — не только страстная мать, но и действительно большая артистка, которая на голову выше окружающих ее Коринкиных и Милотовых.

Н. Чхендзе — огромный мастер. Изумителен ее голос — гибкий, проникновенный и богатый оттенками. Нельзя забыть, как она произносит: «Сад аричеми пиний!» («Где мой сын?»). В этих словах — и горе матери, и требование вернуть ей самое дорогое для нее существо, и гнев против обманувшего ее негодяя, и презрение к нему.

Со страстностью играет Незнамова народный артист Грузинской ССР Г. Давиташвили. В своем герою он обнаруживает сильное и талантливое человека, чья грубость и резкость — своеобразный протест против навязанных ему жизнью страданий.

ОСТРОВСКИЙ В ТЕАТРЕ РУСТАВЕЛИ

Народный артист Союза ССР А. Васадзе в этом спектакле показал замечательную многогранность своего мастерства. Подумать только: после Яго он играет теперь Шмага! В «Без вины виноватых» Васадзе выступает как блестящий комедийный актер. Он по-настоящему овладел стилем Островского. В противоположность Незнамову, Шмага склится со своей унылой отщепенца, опустился и стал шитоком. Оружие его пассивного протеста — шутство. Шмага у Васадзе спокоен и хладнокроен — и вдруг, как оетную булавку вонзает в советническую изощленную реплику. Этими контрастами Васадзе владеет превосходно.

Заслуженный артист Э. Ахаладзе очень тонко раскрывает ничтожество благородство по виду барина Дудушкина.

Коллектив участников спектакля показал отличное мастерство ансамблевой игры. Это относится и ко второму составу исполнителей, в котором молодая артистка Т. Баркадзе с честью выполнила труднейшую задачу, очень хорошо сыграв роль Кручинной, а заслуженный артист Д. Мжанава создал по-своему интересный образ Шмага.

С большим вкусом написаны декорации художником С. Тевзадзе.

Постановка «Без вины виноватых» — крупное культурное событие всевозможного значения. И ничем нельзя оправдать более чем странное повеление крупнейшей русской газеты Тбилиси — «Заря Востока», ли одним словом не обмолвившись об этом поистине замечательном спектакле. Зато зритель по-настоящему оценил труд театра Руставели: на представлениях «Без вины виноватых» театр переполнен, и публика, следя за действием с затаятым дышанием, по-настоящему волнуется за героев пьесы.

Театр Руставели великолепно поставил Островского дал новое, яркое свидетельство подлинного культурного единения народов СССР и блестящего расцвета грузинского театрального искусства.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Новые члены союза писателей

МОСКВА

9 декабря состоялось заседание президиума СПС, посвященное приему новых членов союза.

Первой обсуждалась кандидатура Героя Советского Союза т. М. В. Володькова. Его рекомендовал т. В. В. Вишневский, давший развернутую оценку литературной работе т. Володькова.

Недавно я познакомился с новым произведением т. Володькова — с его сценарием, — сказал т. Вишневский. — Эта вещь задумана очень интересно. В ней Володьков изображает воздушную экспедицию некоего фашистского государства из Европы в Америку через Северный полюс, предпринятую с целью пережить советский рекорд, а также из коммерческих соображений. После катастрофы участники полета оказываются на льду, отрезанные от всего мира. Володьков отлично рисует психологию действующих лиц, расхождение в лагере экспедиции и борьбу равных участников экспедиции с «сильными», которые хотят уничтожить «слабых» для собственного спасения. Уже по одному этому сценарию можно судить о литературном даровании Володькова. Широко известны пьеса «Мечта» и книги Володькова, пользующиеся заслуженным успехом у читателей.

Тов. Володьков прочитал отрывок из своего сценария. Затем началось обсуждение кандидатуры т. Володькова. Все выступавшие высказывались за прием т. Володькова в члены союза писателей.

Единогласным голосованием, под аплодисменты всех присутствующих, т. Володьков был принят в союз писателей.

Следующим вопросом был прием в члены союза писателей Героя Советского Союза т. Г. Байдукова. Тов. Соболев, Шкловский и Финк с большой теплотой отзывались о рассказах т. Байдукова.

— Когда были напечатаны рассказы Байдукова, — сказал т. Шкловский, — мы, писатели, звали друг друга, ошиблись поделить впечатления об этой замечательной книге.

Тов. В. Финк рассказывает: — Мне говорил Михаил Громов о Байдукове: вот кто по-настоящему пишет об авиации!

Тов. Байдуков был принят в союз писателей единогласным голосованием, под аплодисменты всех писателей, присутствовавших на заседании президиума.

Затем состоялся прием в союз писателей Теодора Шивье, с речами о котором выступили тт. Иоганес Бехер и Константин Федин.

— Мы все знаем Теодора Шивье, — сказал т. Федин. — Это крупный художник, широко популярный в Европе. Его мастерство великолепно, общественное значение его творчества бесспорно, он — волюнтер борется против фашизма.

Тов. Шивье единогласно был принят в члены союза советских писателей. В своей речи Теодор Шивье сказал:

— Звание члена союза советских писателей — это не только большая честь для меня, но и нечто такое, что увеличивает мою ответственность за свою работу; мой долг теперь — писать еще лучше, чтобы каждое произведение было новым оружием в борьбе против фашизма.

Следующей обсуждалась кандидатура т. Е. Пермяка, выставленная драмсекцией. Тов. Пермяк, автор нескольких пьес, давно уже состоит кандидатом в члены союза писателей. К сожалению, представители секции драматургов — тт. В. Иоганес и Леонидов, вместо творческой характеристики т. Пермяка, вместо серьезного разбора его произведений, представляли президиуму свои отзывы и рекомендации, составленные из общих, ничто не значащих фраз в маньерском духе. Это вызвало резкие упреки со стороны писателей, участвовавших в заседании. Возникло даже предложение отложить прием т. Пермяка. Но после того как т. Пермяк прочитал отрывок из своей пьесы «Лес шумит», он был принят в члены союза писателей. Несколько товарищей высказали справедливые пожелания о необходимости лучшей организации приема.

Очень хорошее впечатление произвели стихи, прочитанные т. А. Коваленковым. Он прочитал четыре коротких лирических стихотворения — «Дождь», «Подснежник», «Паровоз И. С.» и «Визитному». Творчество поэта Коваленкова характеризовал т. П. Антокольский.

— Коваленков — несомненно талантливый поэт, — сказал т. Антокольский. — Он — лирик. Природа почти неизменно присутствует в его стихах, в первую очередь, поэмковская природа, со всеми ее шепотом и пением. Коваленков учился у Баскинского. Его лирика правдива.

Тов. Коваленков был также принят в члены союза.

С таким же единогласным одобрением было встречено предложение В. Герасимовой принять в союз тт. А. Раскина и М. Слободской. Одаренные писатели в последнее время приобрели заслуженную популярность своими пародиями и фельетонами на литературные темы. Творчество Раскина и Слободской характеризовали тт. Л. Соболев и Е. Петров. Тов. В. Левин высказал мнение, что Раскин и Слободской следует в дальнейшем выйти за пределы узкого круга литературных тем и взяться за темы более широкие.

Единогласным голосованием тт. А. Раскин и М. Слободской были приняты в союз писателей.

Отзыв о литературной деятельности С. Радзинского дал т. Каплер. 22 сентября, многие из которых были поставлены (фильм «Баба Фанголи», «Бенефис клоуна Жоржа»; совместно с П. Павленко «На Дальнем Востоке» и много других), а также переводы пьес, в числе которых «Мальба о жизни», поставленная в столичных театрах, — такое невольное переключение литературных работ т. Радзинского. Тов. Радзинский был принят в члены союза писателей.

Интересные прения развернулись по поводу приема в члены союза т. М. Юфит. Были прочитаны письменные отзывы о его творчестве тт. Фадеева, Леонова и Гусева.

— Юфит — одаренный человек, — сказал В. Шкловский. Однако направление, к которому она принадлежит, мне кажется порочным. Я говорю о способе рассказывания о жизни, не удерживаясь, не волнуясь. Это бытование. Все слышим просто в рассказах Юфит, нет своего отношения к описываемому.

Тов. Левидов упрекал М. Юфит в «бескрылости».

— Исходя из правильного положения, что великий человек может быть героем, Юфит доказывает фактически, что великий герой — обыкновенный, средний человек. Ее рассказы как бы утратили для того, чтобы быть хорошим советским человеком, нет необходимости много думать, бороться, преодолевать. Юфит упрощает действительность.

— Я живу в рассказах Юфит прием «спиритических витаний», — сказал т. Л. Соболев. — Простота ее рассказов — это не та простота, которая волнует и заставляет думать. Это путь в штамп, прием, которым больших вещей не создашь, большого не скажешь.

Указывая на серьезные недостатки работы М. Юфит, писатели все же высказывались за прием ее в союз. Против этого высказался т. Н. Асеев, резко критиковавший рассказы М. Юфит.

— Пишет М. Юфит нарочито бесцветно, — сказал П. Асеев. — Юфит представляет себе, что якобы существует какой-то «простой читатель», которому ничего, никаких ухищрений не надо, и этим оправдывает бедность своей формы. Это неправда! Растет требовательность читателей нашей страны! Матильда Юфит придерживается формы отсталой, приемом беллетристов из «Русского богатства». Мы ищем в новом писателе его отличия от всего, созданного другими. Юфит должна еще обнаруживать свою творческую индивидуальность. С приемом в союз надо пождать.

Значительная часть заседания была уделена журналу «Резец». Сообщение о журнале сделал член президиума союза писателей В. Балж и редактор «Резца» С. Горский.

Президиум констатировал, что новая редакция начала успешно перестраивать работу «Резца», долгое время оставшегося «серым журналом», печатавшим посредственные стихи и рассказы. Это перестройку, по решению президиума, следует продолжить с тем, чтобы превратить «Резец» в боевой орган союза писателей, воспитывающий молодых авторов, отвечающий литературным интересам широкого читателя.

имена Брегель, или «товарища Зои», но здесь действительность настолько сомкнулась с художественной выразительностью в едином точном фокусе, что вопрос о литературной этике отпадает; эти люди навсегда пригвождены к столу.

Прежде чем судить о педагогических свойствах книги, нужно еще раз взглянуть на нее, перечитать в тех местах, где автор описывает свой приход в «систему». Я позволю себе привести цитаты из книги А. С. Макаренко:

«Меня возмущали безобразно организованная педагогическая техника и мое техническое бессилие. Я с отравлением и азостью думал о педагогической науке: «Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли! Песталоцци, Руссо, Натори, Вольский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться...»

«...И вдруг педагогическая поэма с треском и грохотом провалилась под мою руку. Я очутился в пустом пространстве. Тяжелые счеты, лежащие на моем столе, вдруг полетели в голову Осцадого...»

Да, заведующий Макаренко в припадке злобы вынул из воспитанника тяжелым предметом. Но когда однажды, в минуту отчаяния и душевного смятения он убежал в лес, все «колготы» красил за ним, чтобы помешать ему застрелиться... Эти строки нельзя читать без волнения: все эти строки пришли от настоящего мужества и настоящей правды.

Мы не знаем степени значения этой книги в плоскости педагогической, но зато совершенно ясно ее роль в плоскости литературной. Во-первых, это — один из лучших, ярчайших документов эпохи становления советской культуры, эпохи первообразования социалистического гуманизма, во-вторых, это — замечательное художественное произведение, потому что форма его свободна, естественна и проста той сложной простотой, которая присуща истинной поэзии. Здесь заведующий и педагог Макаренко становится одним из лучших писателей, и здесь же начинается обвинение против второго Макаренко.

Робот не может заменить живого человека, как и совсем «сделанное», но лишнее души произведение не может за-

менить живой книги. Хотя работы книги могут быть совершенны по форме и иметь некоторое хождение в качестве суррогатов.

Такова книга «Флаги на башнях». Она повторяет «Педагогическую поэму», хотя места и люди названы в ней другими именами. Мы без труда узнаем в инженере Ворунове инженера Горбунова, в Солмонове Давыдове Блюм — Солмонова Борисовича Юган, в Ваиде — Веру и даже в маленьком Васе Гальченко — Ваню Зайченко.

Также и сам А. С. Макаренко стал А. С. Захаровым и сидит за столом заведующего в том же пещере на носу; но это только его материальная оболочка. Сам Макаренко хитит в стороне, переживает педагогическую специальность на писательскую. В отличие от первой книги, изложенной от первого лица, «Флаги на башнях» написаны со стороны, по всем правилам добропорядочной повести. В ней очень много интересного, большое знание материала, попрережому хорош заведующий и некоторые ребята. Но все произведение насыщено на неправильный стержень, выдуманный Макаренко — теоретиком литературы.

Некоторые его мысли по поводу детской литературы очень хорошо обводят ошибки его последней повести. Суть же высказываний его сводится к тому, что для детей нужны-де прямые линии, только характеры и возможно большее количество событий — «и никаких нюансов».

«Вся повесть производит впечатление «сделанной для детей» по этому рецепту. Теплый искусственный ветер продувает ее со всех сторон. «Рождественские мальчики» перенесены в советское время, но в отличие от революционных мальчиков, которых спасали добрые люди и тети, они вынуждены вести не всегда самостоятельную, но утомительную работу по перекладке.

Все здесь просто: мальчики и девочки, беспартийные и правонарушители, которые, как чувствует читатель уже с самого начала, должны где-то в конце книги попасть в сферу счастья и добра.

Никакого «становления» характеров. Никакой борьбы. Вместо нее возня и «события».

Маленький чистенький сапог, двое беспартийных и девочка, прежде чем попать

в колонну, переживают интересные и очень «теплые» приключения. Но они по внутреннему своему духу — внепартийны и невольно ассоциируются с «мальчишескими оборывками», «мальчишескими опиченками», «мальчишескими сержантами» из старых «задушевных» детских книг.

Возможно, что в какой-то степени подобные книги тоже нужны. Но они всегда стоят где-то в задних шеренгах литературы, двигаясь за передовыми только вместе с остальной массой.

Нужно отдать справедливость — мастерство автора «сделано» книгу и держит ее довольно продолжительное время в высокой температуре напряженного читательского интереса, создавая впечатление, что автор «доказал» книгу. Но эта температура нагревается чисто литературными калориферами. В чудесном саду-колонии, созданном автором, шлепают искусственные соловьи. Некоторое время читатель бродит по этому саду, плененный и растроганный красотой пейзажа, чистой атмосферой, благородством человеческих отношений; здесь разливаются патва капитализма в сознании людей, растворившись почти автоматически, в чудной непроходимой среде, созданной силой человеческого коллектива. И в этом — ценность, ибо эта книга — творческое первоначальное произведение, несомненно имеющий право на существование.

Невольно возникает вопрос о месте и значении «Флагов на башнях», если бы не существовало «Педагогической поэмы». Эта книга читалась бы, она читается и теперь. Такой книг можно написать любое количество, но они только увеличат ряд на полке. «Педагогическая поэма» же прилагает нечто и литературе. Она может быть только одна. Настоящая книга, как создание человеческого духа, неповторима, как неповторим каждый конкретный, живой человек. В этом ее отличие от «сделанной на одном литературном умения».

«Поэма» возмужает публицистическими отступлениями, замечательные диалоги и чисто беллетристические периоды перемежаются записями, торжественными дневниковыми воспоминаниями и т. п. Однако напряженная внутренняя жизнь книги делает форму ее неуместной. В книге происходит непрерывное движение во многих планах и направлениях — публицистическом, бел-

«Телье-мопоники» в Государственном еврейском театре. Народный артист РСФСР С. М. Михозь в роли Телье. Рис. худ. А. Костомоловского.

КАК ИЗДАВАТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ МАЯКОВСКОГО?

На днях в Гослитиздате на заседании главной редакции В. Маяковского обсуждался вопрос о том, как издавать первое академическое собрание сочинений поэта.

С сообщением о предполагаемом порядке издания выступили тт. Асеев и Перцов. По их мнению, академическое издание должно быть осуществлено главным образом в хронологическом порядке, допуска, однако, издание отдельных тематических томов.

В обсуждении этого вопроса принял участие т.т. Февральский, Реформатская, Дуванкин, Дукор, Грив, Катания. Советские ученые также порождал комитетирования академического издания. Участники совещания предложили, кроме вступительных статей к каждому тому, дать обстоятельные статьи и комментарии по отдельным произведениям поэта.

Академическое издание В. Маяковского будет отличаться от предыдущих подборок всех вариантов текстов поэта. Редакция предстоит провести работу по собиранию различных вариантов текстов и выяснению, какой из них следует взять за основу.

Вызывает удивление, что на совещание не явились филологи, а также писатели и поэты, приглашенные редакцией для участия в редактировании и комментировании академического издания.

КОТ В МЕШКЕ, ИЛИ КОГИЗОВСКАЯ ЛОТЕРЕЯ

Несколько лет тому назад на книжных базарах Когиза в Ленинграде появились удивительные книжные киоски-автоматы: в одно отверстие опускался гривенник, из другого выплывала книжка...

Автомат был устроен, как говорится, по последнему слову «книгогонной техники». За фанерными стенками киоска сидел умный лядя. Он собирал гривенники, сыпавшиеся в дырочку, и вырасывал одну за другой брошюры, залежавшиеся в когизовских складах.

Совсем недавно в ленинградском магазине полдюжины изданий Когиза мы вспомнили несложный автомат о книжном базаре.

Когиз проводил подписку на серию «Исторических романов» Гослитиздата. Подписчик предлагалось немедленно внести стоимость годовой подписки — 75 рублей. Но какие именно романы собираются выпустить издательство, что получить подписчик за свои деньги — это оставалось и остается «коммерческой тайной» издательства и Когиза.

— Мы не получили, — рассказывает работница магазина, — даже сухого перечня названий издающихся романов.

Подписчик и работница магазина вошли в главную контору подписных изданий Когиза жалобно, протесты.

Ответа нет. А может быть, отвечать сейчас не к тому? Подписка дано уже закончена, деньги получены. Какое теперь дело делаться из Когиза до читателей, купивших «кота в мешке»!

НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ В. ГЕРАСИМОВОЙ

Обсуждение повести «Хитрые глаза»

В альманахе «Гол XXI» напечатана повесть Валерии Герасимовой «Хитрые глаза». Это произведение обсуждалось на творческом вечере В. Герасимовой — в Московском клубе писателей.

Писатели, критики и читатели говорили о большом и своеобразном даровании В. Герасимовой, об ее истинно писательском умении в разработке одной и той же темы. Эта тема — острая и вместе с тем сложная борьба против двурушничества и приспособленчества. Ее посвящены и повести В. Герасимовой, составляющие книгу «Паншеры и забрало».

А. Дерман считает В. Герасимову одним из наиболее своеобразных советских художников, облагодетель своим стилем. Тема повести — социальная мимикрия. Цель автора — очистить атмосферу нашей общественной жизни от двурушничества, приспособленцев, вредителей. Но то, что писательница наперед разрешила для себя все вопросы, которые она ставит в повести, привело к нарочитому подбору материала, а заранее определенным функциям и действиям персонажей и сделало произведение схематичным.

В. Герасимова как писатель, — включает свое выступление А. Дерман, — выше и богаче своего последнего произведения и ее творчество в целом интересное и ценное повести «Хитрые глаза».

С этим утверждением солидаризируются и критик В. Перцов, который высоко оценивает книгу В. Герасимовой «Паншеры и забрало». Перцов говорит, что повесть «Хитрые глаза» построена на эпизодах, характерных для 1930 года.

Но это дела давно минувших дней — конфликт Минусова и Хрептова не типичен для современности. Поэтому сюжетный конфликт кажется В. Перцову устаревшим. М. Левин говорит о проблеме жанра. Смещение публицистической условности образов с приемами реалистического письма неизбежно приведет писателя к лже-реализму. В повести «Хитрые глаза» латентность образов доведена до крайности, и от серьезной проблемы осталось лишь замисел, не разрешенный художественными средствами.

В «Хитрых глазах» страстно и убедительно показано нравственное уродство чужаков, — говорит Ю. Крымов. — Яркое, живое, правдиво написаны положительные персонажи повести и особенно — коммунистка Агейчик, комсомолка Женя Заботина. Однако, — говорит Ю. Крымов, — образу коммунистки Агейчик, к сожалению, нехватает активности. Поэтому-то автору потребовалась «пустотворная сила», — случайная в произведении фигура председателя собрания, которому и поручается разрешить основной конфликт в повести.

А. Макаренко говорит о том, что повесть глубоко взволновала его как читателя. Автор настойчиво призывает к борьбе с подлыми врагами, — двурушниками, приспособленцами, кон интриганками. Стоит ли приписывать к отдельным персонажам, если таковы, которую они представляют в повести, достаточно гнусная и отвратительная, чтобы вызвать искреннее и глубокое негодование читателей.

Леониду Соболеву повесть В. Герасимовой очень понравилась. Она кажется ему глубоко современной и по остроте темы, и по литературным приемам, и по описанию нравов, к сожалению, еще не изжитых и сеюга в писательской среде.

О важности и новизне темы говорит в своем выступлении и А. Аляксис. Именно новизна темы объясняет некоторую робость в разрешении ее. Но в целом, по мнению А. Аляксис, «Хитрые глаза» — мастерски написанное произведение, поднимающее проблемы, общие для самых различных областей жизни.

В то же время, говорит А. Аляксис, автор повести допустил две серьезные ошибки. Первая ошибка — в неоправданном существовании в повести «человека, ведущего дневник». Вторая ошибка заключается в бедном показе об-

разы большевика — председателя собрания.

А. Каравая, настаивая на оценке повести, которую она дала в своей статье в «Литературной газете», еще раз подчеркивает, что образ коммунистки Агейчик — самый сильный, цельный положительный образ в творчестве В. Герасимовой.

На вечере выступила также читательница Плотикин, Яблоков и заведующая фабричной библиотекой т. Успенская.

— Если участь книги решает читатель, — заявила тов. Успенская, — то повесть В. Герасимовой хороша и ее читают много, с интересом.

— Яркое и во всей неприглядности показала В. Герасимова маскирующихся двурушников, — говорит тов. Плотикин.

По мнению читателя тов. Плотикина, повесть написана неровно: тема двурушничества показана более выразительно и просто, чем тема борьбы и победы тех, кто является носителями положительной идеи произведения.

Парадильно о обсуждении повести В. Герасимовой на вечере был остро поставлен вопрос о формах критики.

Возмущение огромного большинства выступавших вызвало оскорбление Герасимовой сравнения в статье Е. Успенской «Лит. критике».

— Эта статья, — говорит А. Каравая, — образец несправедливой и необъективной критики. Как можно сравнивать писателя, стоящего в своих книгах серьезные социальные вопросы, с бездельными буржуазными писательницами Лано-Даньковской, Нагрозкой, Чарской?

— Если критик позволяет себе подобное унижающее советского писателя сравнение, — говорит О. Войтинская, — он обязан доказать его уместность. Право на суровую критику в интереса искусства отнюдь не означает права на оскорбление писателя. Неправильно, по мнению О. Войтинской, и то, что т. Федоров в своей статье в «Литературном обозрении» выступает от имени читателя, отнюдь не от имени повести В. Герасимовой он предварительно не изучил.

Ф. Левин отстаивает право критика прямо и жестко говорить писателю об его ошибках. Но надо решительно протестовать против призыва «сравнить» писателя с неудачливой книжкой, как этого требовал в пылу полемик Ф. Левин.

Протестуя против того, что критика повести В. Герасимовой обложена большим количеством словесной ваты, Ф. Левин признает к более строгому отношению в оценке произведения. При этом под «спиритическо-методологическим» характером обсуждения Ф. Левин, как ни странно, подразумевает разбор только ошибок автора и недостатков произведений, но не положительных его сторон. Такой «спиритический» критик должен быть осужден.

Крайне неприятно прозвучало на вечере выступление Ю. Либелинского. В стремлении оправдать повесть В. Герасимовой от критики Е. Успенской и А. Федорова Ю. Либелинский вместо того, чтобы полемизировать с ними по существу статей, счел более уместным извлечь из-под суду четырехлетнюю давности журнал, в котором напечатана ошибочная статья Ф. Левина — не имеющая никакого отношения к существу и предмету спора. Это было сделано лишь для того, чтобы политически дезавуировать выступление Ф. Левина.

Разумеется, нужно вспоминать о старых ошибках, когда они обнаруживают последовательность литературных вкусов критика. Но тогда т. Либелинскому прежде всего следовало бы доказать, что отрицательная оценка книги В. Герасимовой связана со статьями, написанной т. Леонидом А. года тому назад. Мы так подробно останавливаемся на выступлении Либелинского потому, что считаем этот демagogический выпад проявлением раповских традиций полемик.

В обсуждении участвовали также тт. Н. Бродский, Е. Зюзула, А. Барто, В. Ардов.

Мих. ЛОСКУТОВ Два писателя

Две книги об одном и том же. Один материал, одна тема. Написаны по-разному. Конечно, об одном и том же можно писать много раз. Ничего в этом зазорного нет. Бывают книги — близкие родственники, бывают товарищи по духу, бывают случайные соседи. Но две книги, родственные тематически, неизбежно вызывают у читателя размышления, противопоставления или аналогии. Тут дело даже не в предположении, отдаваемом одной книге перед другой. Может быть много хороших произведений на одну и ту же тему.

Но опасно повторять книги значительные, те, о которых говорят, что они «оставили след в литературе». Такое соседство рискованно даже для неплохих, по формальным признакам, произведений: они неизбежно тускнеют в таком соседстве, показывая слабые стороны.

Две книги написаны об одной и той же детской трудовой колонии, о тех же самых героях и даже о том же заведующем. Первая книга вышла года два назад и написана самим заведующим. Вторую напечатал в этом году в качестве повести профессиональный писатель в журнале «Красная новь».

Первую книгу написал Макаренко. Вторую написал тоже Макаренко.

Однако дальше этого пункта совпадения не идет. И между двумя этими произведениями имеется существенная разница. Первая книга — «Педагогическая поэма» написана в форме мемуаров, или, скажем, отчета что-ли.

Вторая — «Флаги на башнях» — роман, беллетристическое повествование в канонической манере.

По писателю написан гораздо хуже, чем педагог. Дело в том, что заведующий детской колонией им. М. Горького, А. С. Макаренко, написал свою первую настоящую душевную книгу, совершенно заслуженно вышед в первые ряды советской литературы, оказавшись не только примечательным организатором, самостоятельным и своеобраз-

разным педагогом, но и превосходным художником.

О «Педагогической поэме» писали гораздо меньше, чем она того заслуживает. В спешке неотложных дел, хотя и отдал «должное» этой книге, мало кто пытался раскрыть огромное художественно-педагогическое и историческое значение «Педагогической поэмы» и ее новизну, показать ее истинную вдохновенность, которые писали это произведение.

Что касается второго А. Макаренко, то он — писатель-профессионал.

Однако первого А. Макаренко следует поспорить со вторым, потому что в этом заинтересован читатель.

Нужно перечитать вновь «Педагогическую поэму». 1920 год. В стужу, в год, в неустойчивость жизни идет человек организовывать колонию «правонарушителей». Педагог в пещере. В окрестных лесах гонят самогон. «Воспитанники» колонии уходят по ночам в леса «на добычу». Возле Ново-Миргорода наступает Врангель. В этой обстановке новый заведующий начинает свой путь — мужественный путь большевика-воспитателя.

«Педагогическая поэма» — это замечательный документ эпохи. Ни Песталоцци, ни Руссо не выдали ребят, которые режут друг друга ножами, играют в карты, пьют самогон, а потом становятся передовыми людьми и, главное, первыми организаторами и воспитателями таких же беспартийных и «правонарушителей», какими были они. Причем, это — не привычная дидактическая и умозрительная беллетристика, а дополнительный человеческий материал.

Стадо быть — документальная литература, скажут любители изящной словесности. И действительно приходится для поэмы этой какое-то место в литературном ряду. Слов нет — в разряд специально педагогической литературы определить ее невозможно. Там ее не примут. Еще доселе за именем Макаренко тянутся возражения, споры, утверждается «дискультибельность» его педагогической системы. Источники споров можно найти в его книге: «Социалистические деды, становившиеся на пути колонии, нарисованы в его «поэме» с предельной силой художественного таланта. Мы не знаем, доподлинны или вымышлены

третическом, историческом. Однако каждый участник ее, появляясь даже на миг, делает свое необходимое для книги органическое дело.

Во «Флагах» же движение происходит лишь по одной простейшей линии: по линии приращения количества событий и количества героев. Это можно оборвать в любом месте или продолжать дальше. Герои начинают утомлять читателя, даже теряя связь друг с другом, лица их начинают расплываться. Нужно сказать, что к концу повести автор снижает и чисто литературный уровень произведения. Качество событий, положений, мотивировок становится все более сомнительным по мере увеличения их количества.

Они следуют друг за другом, в конце повести, превращаясь в какой-то галоп.

Все происходит в атмосфере удивительного благодушия. Чтобы как-то разрядить ее, одному из ребят приходится играть роль врага. В конце повести на подмогу к нему приходит другой. Неверная дозировка при правильных и хороших намерениях приводит к плачевному результату. Тот Макаренко, который по-настоящему отсыпал жизнь и борьбу, отошел здесь в сторону.

Неудача Макаренко печальна для советской литературы. Кем-то уже сказано, что повесть его — второй раз заваренный и разбавленный чай. Это не совсем точно: второй стакан — это с двойной порцией сахара. И суть здесь вовсе не в том, что «биографическое» для писателя, как принято говорить, гораздо легче, чем вымышленное. Из всей богатейшей мемуарной литературы от Бенвенуто Челлини через Герцена и до Горького человечество получило не так много автобиографических книг, которые можно положить на полку художественной литературы. Некоторые писатели сначала выступали мемуаристами, потом становились беллетристами и наоборот. Давать рецепты правильного литературного пути было бы небрежительно, но нам бы хотелось, чтобы первый Макаренко рассказал второму, как нужно писать настоящие книги.

Литературный календарь

1848 г.

Е. П. Гребенка

90 лет назад, 15 декабря 1848 г. умер Евгений Павлович Гребенка (Гребинка), один из выдающихся украинских писателей. Его басни «Приказки», вышедшие впервые в 1834 г., выдержали несколько изданий. Написанные чистым украинским языком, ярко рисующие горемычный быт крестьян, «Приказки» представляют собой крупное явление в истории украинской литературы. Ряд басен Гребенки перешел в украинский фольклор.

В 1841 г. Гребенка издал альманах «Ластовка» из сочинений Шевченко, Битка, Кузюга, Воронковского и других украинских писателей.

Гребенке принадлежит целый ряд произведений, написанных на русском языке. Из них наиболее выразительны исторический роман «Найковский», о котором с большой похвалой отзывался Белинский, «Старинный быт Украины», — писал критик, — прекрасно отразился в «Чайковском»; сам автор ошеломляется, говоря о деле, приписанном рассказам стариков и на них восстановленные картины минувшей жизни... Он сам, наконец, возмущается до пафоса очевидца, сочувствуя своему предмету, как бы разделяя казачью удачу и принимая горячо к сердцу страдания южной Руси от ее степных соседей — хищных татар. Некоторые характеры... очень хорошо обрисованы автором, в других лицах много исторической верности; интрига занимательна, хотя местами автор впадает в мелодраму... Есть сцены эффектные, а главное — весь роман рисует быт, обычай и образ мыслей запорожцев.

Из стихотворений Гребенки, написанных на русском языке, некоторые вошли в фольклор, стали песнями. Таковы, например, популярные в свое время песни «Почталяон» («Скачет, форменно олет, вестник радостей и бед...») «На свете я будто узнан угрюмый», «Пошел далеко казак на чужбину» и особенно «Молода еще девка я была, наша армия в поход куда-то шла». Эти песни получили широкое распространение во время империалистической войны. Известный петербургский романс «Очи глужие, очи страстные» принадлежит Гребенке.

1893 г.

К. К. Павлова

45 лет назад, 14 декабря 1893 г. умерла поэтесса Каролина Карловна Павлова (родилась она в 1807 г.). Развитие ее поэтической деятельности относится к 40—50 гг. О стихах ее, печатавшихся в большинстве тогдашних периодических изданий, восторженно отзывались В. Баратынский, А. Хомяков, Н. Языков, К. Аксаков, А. Толстой, И. Киреевский. По широкому успеху ее интимная лирика не имела, и ее скоро забыли. Смерть Павловой произошла почти незаметно. О творчестве забытой поэтессы мы вспоминаем, в десятилетиях со дня ее смерти. В Брюсов, помещавший статью о ней в журнале «Ежемесячные сочинения». Исключительный мастер формы, Брюсов не мог не оценить высокого мастерства Павловой, звучности и неординарности ее смелых рифм, сложное построение строф, применение необычайных размеров, своеобразия ее поэтического языка. Для Павловой «звучный рифм игра» была «лучшей насущной хлеб». Она считала потерянными дни, когда «души счастья и печали, мелькая мимо, не блистали алмазом развострихов».

В Брюсов был редактором ее первого собрания сочинений, изданного в двух томах в 1915 году.

Репертуар исполнителей пословиц

Много десятилетий изучают фольклористы индивидуальный репертуар исполнителей былин, сказок, песен. Но ни разу до сих пор не ставили они перед собой задачу исследовать индивидуальный репертуар исполнителей такого жанра, как пословица. Поэтому доклад проф. М. А. Рыбникова, сделанный на последнем декаднике секции народного творчества ССР СССР о той работе, которую она ведет над собранием пословиц, представляет особенный интерес.

Проф. Рыбникова собрал около 20 репертуаров пословиц.

Огромную роль в подборе пословиц играет принадлежность сказителя к той или другой социальной группе. Так, в репертуаре бывшей беднячки 90-летней Софьиной преобладают антипоповские, антипомещичьи пословицы, а также пословицы о быте батрака, насыщенные острыми социальными содержанием. Репертуар пудожанской крестьянки Пашковой связан с бытом, историей и географией края. В репертуаре интеллигента, ученого библиотековеда Желюковой, оперирующей в своей речи огромным количеством пословиц, наряду с чисто народными пословицами встречается множество литературных изречений и афоризмов. Большое количество народных пословиц воспринимается здесь через книгу и с книгой ассоциируется.

Проф. Рыбникова указала также на исключительную смысловую и звуковую конденсированность пословиц, на их лаконизм и образность. Работа над исследованием малых жанров фольклора, по мысли докладчицы, ведет к пониманию основ и элементов поэтической мысли и речи.

В развернувшихся прениях подчеркивалась исключительная важность работы, предпринятой М. А. Рыбниковой, и новизна выработанного ею метода.

НА ВЕЧЕРЕ Н. П. АСЛАНОВА

Недавно в клубе писателей Н. Асланов читал Чехова. Собственно говоря, нельзя назвать чтением эту игру талантливой актера, который в течение часа путем сложных и выразительных интонаций раскрывает перед слушателем всю внутреннюю, обычно неуловимую при простом чтении музыку Чехова.

Слушатель с неослабным вниманием следит за тонким мастерством аслановского исполнения, за умением раскрывать внутренний замысел писателя, за чтецом «между строк», т. е. именно проникновенно во внутренний и сложный замысел писателя.

Творческий вечер Асланова прошел с большим успехом.

КАЛЕНДАРЬ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня в клубе — доклад П. Ф. Юдина «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Доклад состоится в большом зале в 20 часов.

Завтра — декадник секции народного творчества: состояние фольклора и фольклористика в Башкирской и Татарской АССР. Докладчики — т. Урманов, Хан-Замияев и Кашаф Гази.

Завтра же творческий вечер артистки Натальи Бендер и Е. Л. Пашковой. Вступительное слово о мастерстве художественного чтения сделает И. Андронников.

17-го — творческий декадник драматургов, производственное совещание новеллистов, отчет и выборы бюро секции еврейских писателей. Встреча композиторов и поэтов — переводчиков Шевченко. После 11 часов — «вечер отдыха».

20-го — вечер, посвященный 65-летию со дня рождения В. Я. Брюсова.

Выставка работ художника Д. Н. Кардовского (Всекохудожник. Москва). Иллюстрация к пьесе «Горе от ума» Грибоедова.

Новые явления в антифашистской литературе

8 декабря на совместном заседании актива редакции «Интернациональной литературы» и бюро секции научных работников Гослитиздата состоялся доклад Т. А. Рокотова о новых явлениях в антифашистской литературе Европы и Америки.

На примере эволюции отдельных писателей — Герберта Уэллса, Жюль Верна, Альфреда Кэрра, Томаса Манна, ирландского драматурга Шона О'Кея, докладчик показал, как писатели Запады неизбежно приходят к сознанию необходимости активного участия в общественно-политической борьбе с фашизмом.

Серьезный перелом произошел в творчестве крупнейшего американского писателя Э. Хемингуэя. Последние его произведения — фильм «Испанская земля» и пьеса «Патая колонна» — говорят о глубокой убежденности писателя и идейной непримиримости в его борьбе за республиканскую Испанию.

Союз немецких писателей, вынужденный в 1933 году эмигрировать в Париж, стал боевой антифашистской организацией. Особую знаменательную позицию, занимаемая сейчас Томасом Манном. Его письмо к ректору Боннского университета получило огромное распространение и в самой Германии служит сильнейшим оружием в руках борцов единого антифашистского фронта.

Вертольда Брейт в своих последних выступлениях призывает бороться в союзе коммунистами против фашизма. Во главе американского филиала союза немецких писателей стал Оскар Мариа Граф.

Огромный интерес представляет грандиозное эпическое произведение об империалистической войне, написанное Арнольдом Цвейгом. Писатель закончил недавно одну из частей этой эпопеи — роман «Восшествие на престол короля» в эпохи германской оккупации Украины. Герой романа, молодой германский офицер, порывает с прусской военной и переходит на сторону социалистической революции.

Во Франции неоднократно происходили совместные выступления писателей-коммунистов, левых и католиков. Однако ситуация здесь чрезвычайно сложна, особенно после Мюнхена. В качестве апостола Мюнхена во Франции выступает Аллен и Жиро, прикрывающие свою предательскую работу панфилизмом. Однако союз писателей для защиты культуры во главе с Луи Арагоном все успешнее спланивает писателей в защиту демократии.

В английской литературе также заметно укрепляется единый народный фронт. Герберт Уэллс, еще недавно старавшийся смалчить резолюцию Пражского конгресса пен-клубов против преследования евреев в Германии, подписав вместе с другими английскими и французскими писателями призыв к борьбе против фашистских агрессоров и к союзу с СССР. Характерно, что Ричард Олдингтон в своем ответе на анкету редакции «Интернациональной литературы» заявил, что либо мир будет следовать примеру СССР в его борьбе за мир и демократию, либо погибнет.

В испанской антифашистской литературе наблюдается переход к более сложным творческим формам. Тут следует отметить новый роман Арнольда «Реквием» — о гражданской войне в Испании. Подавляющее большинство писателей мира дает сейчас определенный и недвусмысленный ответ на вопрос, в свое время поставленный А. М. Горьким: о кем вы, мастера культуры? Они с теми, кто борется за мир, за демократию, за прогресс.

С. ИПОПОЛИТОВ.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ФИЛЬМ ЧАПЕКА

«Се суар» сообщает, что в Чехословакии запрещена демонстрация фильма «Сила и слава», снятого в Лондоне по пьесе знаменитого чешского писателя Карела Чапек. Германские фашисты нашли, что фильм этот способен поколебать их авторитет в «дружественной» стране и категорически предложили Чехословакии наложить запрет на фильм.

Одиннадцатые журналы

Одиннадцатая книга журнала «Знамя» открывается повестью В. Курочкина «Сложная история». Большое место в книге занимают рассказы Ал. Халодана о китайской Красной армии — эпизоды о героической борьбе китайского народа против японских захватчиков. В книге помещены также рассказы Е. Болтина «Мужество», В. Лапина «Буддийский монах», В. Халодана «Восстание о людях» и стихотворение С. Олендера «Галечков».

В отделе публицистики — статья Д. Данина «История и жизнь» — о «Кратком курсе истории Восьмой коммунистической партии (большевиков)» и статья Ф. Чернышова «Японские уставы в действии».

Статья Ал. Исаха «Мировая война и литература Запады» и Вл. Рудмана «Культура национально-освободительной борьбы» составляют содержание отдела «Литературная критика».

Журнал «Октябрь» начинает печатать в одиннадцатой книге записки педагога Т. Семухина «Чукотка». Продолжает печататься роман Анны Зегер «Освобождение», который будет закончен в двенадцатой книге. В отделе поэзии — поэма О. Колычева «Шор».

В журнале напечатаны рассказы А. Платонова «Июльская гроза», С. Крушинского «В разлив» и очерк В. Ишечкина «Вожак». Среди публицистических материалов — статья И. Якова «Японский империализм и его политика захватов» и письмо инженера Ч. В. номере напечатаны также статья А. Лурье «Завтрашний день техники», Л. Мышковской — о Турневе, И. Анисимова — «В Америке», К. Зеленинского «Мораль и характер», Ад. Волкова «Романсеро о гражданской войне», Д. Тальникова «Как работал Шелкин» и зарубежная хроника.

Из этой информации читатели-подписчики «Знамени» и «Октября» узнают хотя бы о том, что могли они прочитать в ноябрьских книжках журнала, если бы получили их.

Гослитиздат сетовал на то, что у него нет своей полиграфической базы и поэтому он не может отвечать за своевременный выпуск периодики, печатающейся в «чужих» типографиях. Теперь у Гослитиздата есть своя и небольшая, но собственная типография, однако это не помогло ему выпустить в срок одиннадцатые номера «Октября» и «Знамени».

Разрушают исторические памятники

ФОРТ-АЛЕКСАНДРОВСК. (Казакская ССР). В городском саду Форт-Александровска (Мангистауский район, Гурьевской области) находится землянка, в которой жил великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, «отбывавший в этом краю семилетнюю ссылку».

При попустительстве председателя горсовета Ремизовой и зав. горхоза Сисюева эта землянка сдана в аренду «странствующему» фотографу. Этот арендатор выкинул из землянки все вещи, принадлежавшие Т. Г. Шевченко, и замазал оклеенной бумагой район и многочисленные следы в многих местах Союза, желающие осматривать «домик Шевченко», даже близко к нему не допускаются, так как... фотограф проявляет там пластики.

В саду осталось четыре дерева (а их было много), собственноручно посаженные великим поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко, но эти деревья не охраняются, они стали местом приваза верблюдов. (ТАСС).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА»

на 1939 год
Орган Союза Советских Писателей
Основан А. М. Горьким в 1929 г.
ЖУРНАЛ ОСВЕЩАЕТ вопросы теории литературы, литературоведения и критики, ставит острый вопрос об организации помощи начинающим писателям в их творческой работе.
В ЖУРНАЛЕ ПЕЧАТАЮТСЯ статьи, посвященные литературному мастерству, работе писателя над своим произведением, работу производящих писателей — молодых авторов.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 руб. — 24 р. в мес. — 12 руб. 3 мес. — 8 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всех агентствах и отделениях Союзпечати, во всех почтовых отделениях и почмо-посылках.
МОСКВА, Изд-во «Советский писатель».

Письма читателей

ПЕСНИ СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ

Секция альпинизма на нашем заводе, каждый год насчитывает все большее число своих членов. Летом мы проводим свой отдых в горах, занимаемся тренировкой в зимних походах, работаем над повышением нашей альпинистской техники, чтобы по призыву нашей любимой родины и товарища Сталина мы в любой момент могли стать на защиту наших горных границ. Мы занимаемся альпинизмом во время нашего отдыха, выезжаем в горы во время отпуска, отбьем любимому занятию все свои силы.

Как хорошо на привале затянуть веселую песню, — сразу проходит усталость, и пель похода кажется ближе. Мы поем песни, хорошие песни о Красной Армии, о детях, о парашютистах, о танкистах, о моряках и водолазах, но у нас нет своей песни, песни советских альпинистов. Нам нужна песня, такая песня, которую мы пели бы на привале во время похода, вечером у костра в лагере и на вершинах гор.

Мы просим союз советских писателей выдать людей, которые могли бы, ознакомившись с нашей работой, написать песню, песню советского альпиниста. Песню, которую мы могли бы пронести через горные вершины, суровые скалы, туманы и коварные снега — в сияющие вершины нашей счастливой родины.

Рабочие завода «Кучуки».
(16 подписей).

Хроника

— Режиссер Ю. Райман приступил к постановке нового фильма «Поднятая пелена» по сценарию М. Шолохова и С. Ердманского. На территории киностудии «Мосфильм» скоро появятся улицы будущей «Гремучей горы» — место действия фильма. Художник В. Егоров, недавно вернувшийся из поездки в доинские казачьи поселения, уже представил эскизы основных декораций. К работе над костюмами привлечен художник С. Корольков, иллюстрировавший роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» в последнем издании Гослитиздата.

— 12 декабря в лектории 1-го МГУ состоялся творческий вечер Иосифа Уткина. Поэт прочитал на вечере цикл новых стихов «Московские стихи», в которых вошли: стихи об Испании, лирика о любви, стихи «Большой успех», «Завещание», «На берегу Волги» и новые песни.

— Казахский филиал Академии наук СССР предпринял издание книги «Песни народных акынов». В сборнике намечено поместить песни свыше 30 народных акынов Казахстана в переводах на русский язык.

— Редакция журнала «Знамя» в составе тт. В. Вишневского, С. Ващенко, А. Исаха и А. Тарасенкова выехала в Ленинград для встречи с ленинградскими писателями. Цель поездки — закрепить связи с ленинградским активом писателей, привлечь к сотрудничеству в журнале «Знамя» молодых писателей, расширить влияние ленинградских писателей на вопросы оборонной литературы.

ИЗВЕЩЕНИЕ

17 декабря в 6 ч. вечера в Клубе писателей состоялся совместное заседание советских композиторов и поэтов, посвященное созданию музыкальных произведений на тексты Шевченко и на тексты поэтов о Шевченко. Вступительное слово — М. Рыльский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДКОВИЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОИТНИНСКАЯ.

Споры о «Неуче»

Письмо из Ленинграда

Автор романа — Глеб Алексин. Герой романа — Глеб Алексин.

Впрочем, роман построен не только на автобиографическом материале, вымысел автора занимает в нем значительное место.

Книга называется «Неуч». Это первая книга из задуманного автором цикла философских романов, книга — первый дебют автора.

Глеб Алексин в романе «Неуч» пишет, что роман «Неуч» написан очень удачно.

Ленинградские критики и читатели, которые выступили на обсуждении книги в Доме писателя им. Маяковского, не соглашались с восторженными отзывами Глеба Алексина о работе Глеба Алексина.

Обсуждение «Неуча» собрало многолюдную аудиторию. Доклад о книге сделал А. Рыбасов, справедливо отметивший, что тема романа — большинство воспитанников молодежи, овладение молодежью марксистско-ленинским учением — чрезвычайно актуальная тема. Однако критерий для художественного произведения служит не только актуальность тематики, но и правильность изображения, эстетические достоинства книги и т. д.

Анализируя книгу Алексина, докладчик утверждает, что «Неуч» неправильно ориентирует молодежь в деле изучения ленинизма, подменяя глубокое и серьезное изучение поверхностным начитанностью. Все богатство учения Ленина сведено к абстракциям, почва вульгарно и пошло трактуемому тезису о борьбе; наконец, в книге, где автор пытается показать большинство воспитанников молодежи, вовсе не видно руководящей роли партийной организации: фигурирующий в ром-

не секретарь паркома «дядя Маша» — отнюдь не является представителем большевистской гвардии, какими падают рекомендацию его Г. Алексин. Характерно, что этот секретарь паркома устраняется от руководства учебой и развитием неуча, который разрешает задачу изучения Ленина весьма просто. Он читает книгу за книгой, поочередно — с первого тома по тридцатый, прикладывая этой работе какой-то спортивный интерес.

На самом деле задача овладения великим учением классиков марксизма неизмеримо сложнее, чем это представляется и автору и герою романа.

Надо сказать, что Т. Рыбасов был в несколько затруднительном положении. Как докладчик, он резко критиковал редакционный аппарат Гослитиздата, но справившись с работой над первой книгой начинающего автора.

Но ведь Т. Рыбасов был главным редактором Ленинослитиздата и, следовательно, несет ответственность за работу с автором. Нет сомнения, что Т. Рыбасов должен был отметить все хорошее и интересное в книге Алексина. А Рыбасову нравится, например, язык книги, «живой язык, уснащенный народными поговорками и пословицами», но сравнение «Неуча» с «Коло Брюноном» Романом Роллана вызвало громкие протесты аудитории, тем более, что сам Т. Рыбасов, наряду с живыми и красочными страницами, наряду с удачно введенными и приумноженными автором поговорками, отметил примеры псевдонормативности и безвкусицы.

Прения открыл А. Дымшиц. Он резко критикует роман.

На протяжении всего романа Глеб Алексин прочитывает тридцать томов Ленина. Но читает Ленина он плохо и невнимательно. Доля, например, до 13-го тома («Материализм и эмпириокритицизм»), герой романа, как выясняется, не знает, что такое идеализм и материализм. Эти понятия ему кажутся новыми, хотя об идеализме и материализме В. И. Ленин пишет и в предыдущих томах, хотя в 9-м томе, в статье «Еще о лунском мистицизме», или в 7-м томе в статье «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянская. Такая забывчивость героя неудивительна. Читая Ленина, он не стремится познать всю широту и гениальность ленинского учения. В начале книги, приступая к чтению

Ленина, Глеб Алексин изобретает универсальный «закон на всякий случай жизни», устанавливающий, что все развивается в жизни «за счет борьбы». И в каждой статье, и в каждой речи Ленина Алексин шлет лишь подтверждения этого закона...

С такой оценкой романа полностью соглашается Т. Кричевский, один из читателей. Тов. Кричевский дал острую характеристику многим персонажам романа, философия которых, по его мнению, недалеко ушла от философии героев Арцыбашева (например, инженер Донат). Почему этот роман, недоумевает Т. Кричевский, поспешил сразу же напечатать в журнале «Звезда» и выпустить отдельным изданием? Выступивший вслед за Т. Кричевским зам. отв. редактора «Звезды» Н. Лесочевский заявил, что «Неуч» был напечатан в его отсутствие и что он лично считает этот роман художественно несостоятельным». Читатель Т. Гордин, ссылаясь на свой опыт работы среди молодежи, говорит об отрицательном воспитательном значении «Неуча». В этом романе, по мнению Т. Гордина, проповедуются тенденции детского, поверхностного образования, эта книга толкает к поискам какого-то элексира гениальности, который обеспечит успех в жизни».

В защиту книги Глеба Алексина выступил Т. Трифонов, заявивший, что выступления на обсуждениях критики много преувеличивают. К сожалению, в короткой своей речи Т. Трифонов не удалось достаточно подробно аргументировать свои доводы. Недостаток романа Т. Трифонова вылит в том, что сюжетные ходы, «литературные трюки», приумноженные автором, помешали ему разрешить сложную, интересную и новую тему. Она подчеркивает, что редакторы книги не помогли автору исправить недостатки романа, в котором имеется много свежести и подлинной талантливости.

— Алексин, — указал, заключая прения, В. Валик, — считает свою книгу философским романом. Защищая «Неуча», Т. Трифоновая заявила было, что философский роман не бывает. Конечно же, в литературе существует много отличных философских романов и отменить их из «Неуча» нет никакого смысла. Ошибка Алексина не в том, что он хотел написать философский роман, а в том, что он

не сумел его написать. Автор книги Глеб Алексин — преподаватель диалектики. Но мне кажется, что философская идея «Неуча» идет от определенной школы «диалектики», — вспоминаю времена, когда изучали диалектику роботов! Это очень плохая наука, ничего общего с ленинизмом не имеющая, и проповедать ее в настоящее время, мягко говоря, излишне. В книге есть удачные места, свидетельствующие о том, что если бы с Алексиним по-настоящему поработали, он мог бы написать настоящую книгу.

Выступление Глеба Алексина, которым закончился обсуждение, состояло главным образом из полемических выводов против автора статьи в «Ленинградской правде» и утверждения художественной силы и политического значения собственного романа. Гораздо более прав был Глеб Алексин, когда он говорил, что автор должен защищать себя не словами, а книгой.

Собрание ждало и выступления писателей — членов редколлегии «Звезды», напечатавших роман в журнале. Оно ждало, что выступят также представители издательства, выпустившего книгу, и во всяком случае услышат Сергея Семенова — ответственного редактора книги. Но члены редколлегии не пришли на обсуждение, а Сергей Семенов с середины обсуждения ушел. Приехавший из Москвы представитель Гослитиздата Т. Резник информировал собрание, что по повелу «Неуча» он написал большую статью, которая появится в следующем номере «Нового мира», и повторить (?) эту статью здесь, в Доме писателя, на обсуждении романа Алексина, он, несмотря на просьбы присутствующих, не считает нужным.

Таким образом, по вине отмахивавшихся писателей и редакторов обсуждение романа «Неуч» приняло несколько односторонний характер.

Следует продолжить дискуссию об этой книге, вызывающей разноречивые отклики читателей и читателей. Президиум ЛенССП, кажется нам, должен обратить внимание и на очень серьезный вопрос, поставленный при обсуждении «Неуча», — о неудовлетворительной работе редакторов издательства и журналов с начинающими писателями.

Ю. ИСАКОВ